

ОТ АВТОРА НАШУМЕВШЕГО БЕСТСЕЛЛЕРА

«МОЙ ЛУЧШИЙ ВРАГ»

ТЫ ЧУБИТ, СТАС ШУТОВ

18+

ЭЛИ ФРЕЙ

Интернет-бестселлеры Эли Фрей

Эли Фрей

Ты убит, Стас Шутов

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Фрей Э.

Ты убит, Стас Шутов / Э. Фрей — «Издательство АСТ»,
2022 — (Интернет-бестселлеры Эли Фрей)

ISBN 978-5-17-145399-2

Стас не смог простить предательство любимой подружки и превратил ее жизнь в оживший ночной кошмар. Почувствовав вкус безграничной власти над чужой жизнью, он оказался на тонкой грани между реальностью и безумием. Отомстив Томе за весь ужас, что пережил по ее вине, Стас отправляется в спецшколу для трудных подростков. Там ему приходится заново пережить старые кошмары и переосмыслить свои поступки. Стас готов отпустить прошлое и начать жизнь с чистого листа. Но все меняется, когда в школе появляется один человек... Человек, который однажды превратил Стаса в монстра. Кто ты, Стас Шутов? И какие демоны таятся в твоей голове?

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-145399-2

© Фрей Э., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Спецшкола. Месяц 1	6
Мир «до». В окошко улыбку	12
1	12
2	15
3	16
Спецшкола. Месяц 4	19
Тот день. Ешь стекло!	24
1	24
2	28
3	32
4	37
5	39
Спецшкола. Месяц 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эли Фрей

Ты убит, Стас Шутов

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Эли Фрей, 2022

© Варвара Железнова, иллюстрация на обложке, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Спецшкола. Месяц 1

Автобус уже час ехал через лес по ухабистой дороге. Он вез новичков в исправительную школу для трудных подростков. Смотря в окно, Стас осознал: дело плохо. В какую глухомань его отправили? Чертова школа находилась в Подмоскowie, в тридцати километрах от ближайшего населенного пункта.

С семьей Стас попрощался на автовокзале, еще в Москве. Младшая сестра Янка вцепилась в него и редела. Мама, стоя рядом, не отрывала от Стаса глаз — будто боялась, что он исчезнет. Отец внешне казался невозмутимым: нудил, что Стасу эта школа пойдет на пользу, поможет поумнеть и стать человеком, все для его же блага. Но Стас пропускал его пустые, ничего не значащие слова мимо ушей. Стас был напуган. Он совсем запутался. Все вокруг видели в нем чудовище, но сам он в тот момент ощущал себя жертвой. Ему так нужна была поддержка; он так хотел, чтобы его защитили от него самого! Но вместо этого его решили запереть один на один с главным врагом — с самим собой.

Автобус начал замедлять ход: похоже, он прибыл в пункт назначения. Впереди замаячил высокий бетонный забор, по верху которого тянулись пики. Увидев его, Стас еще острее испытал страх. По новой всколыхнулась и обида: все вокруг ему ввали. *«Это почти что детский лагерь, Стас. Замечательное учебно-воспитательное заведение, которое поможет тебе разобраться в себе. Здесь ты отдохнешь и приведешь себя в форму»*. Конечно, он не верил, но в глубине души хотел, чтобы так и оказалось. Пики окончательно убедили его в обратном: это место — тюрьма, где он проведет ближайшие два года.

Новичков — человек пятнадцать — высадили у главных ворот школы и провели через пропускной пункт. На просторной территории буквой «Г» расположились два убогих корпуса: один — похожий на узкий скворечник, вытянутый вверх на пять этажей, второй — низкий и длинный. Еще по территории были разбросаны хозпостройки, нашлась даже маленькая деревянная часовня. Был и стадион, и спортивная площадка, и две криво сколоченных беседки, в которых в хорошую погоду ученики, наверное, встречались с родными. Корпуса окружала узкая полоса разбитого асфальта, вдоль которой на чахлам газоне росли поникшие цветы, блеклые кустарники и деревья.

Стаса и остальных повели к «скворечнику», который оказался жилым корпусом. У крыльца группа ребят в одинаковых рабочих комбинезонах синего цвета белила деревья. Отвлекаясь, один из парней окликнул второго, второй — третьего, и так пока все не прервали свое занятие и не уставились на новичков.

— Хей! Свежие булочки! — осклабившись, крикнул крупный смуглый парень с бычьей шеей.

— Налетай. Горяченькие, с пылу с жару! — подхватил кто-то еще.

— Чур, мне вон ту, самую аппетитную! — Первый парень не отрывал от Стаса маленьких, хитрых, как у хорька, глаз. — Начальник, эй, начальник! Слышь? Вы эту Барби не режьте, она мне с золотыми кудряшками нравится.

Раздался взрыв грубого смеха.

— Все вернулись к работе! — рявкнул воспитатель-проводящий. Смех сразу стих, парни занялись делом. Новеньких повели дальше.

Это место не было колонией, скорее школой-интернатом строгого режима. Воспитанников помещали сюда в среднем на два года, плюс-минус пара месяцев, чтобы освобождение пришлось на лето, и эти два года шли в зачет среднему образованию. Всех здесь распределяли по классам и селили по комнатам по возрастам. В каждой комнате жилого корпуса было по четыре двухъярусных койки. Новых ребят подсаляли к ровесникам по двое-трое, на свободные

места. Стасу досталась комната 18. Здесь пустовала верхняя койка у двери — узкая, заправленная старым верблюжьим одеялом.

Повседневную одежду все привезли из дома, но в гардеробе каждого ждали два комплекта казенной формы: рабочая, представляющая собой тот самый синий комбинезон, и учебная — рубашка, брюки, пиджак и галстук. Всем также выдавали значки с флагом России — их полагалось крепить к пиджаку. Форма висела на вешалках на крючках, прикрепленных к стене рядом с койками. Крючки Стаса пока пустовали. У остальных на месте висела только учебная форма. Стас кинул сумку под кровать и направился в уборную. Помыл руки в раковине, представляющей собой длинный, во всю стену, металлический желоб с шестью кранами.

На то, чтобы привести себя в порядок, новичкам дали пять минут, а затем воспитатель повел их в душевую, выложенную дешевой бледно-голубой плиткой. Кабинки были открытые, из ржавой трубы, тянущейся с потолка, торчал никак не регулируемый душ. После душа в раздевалке организовали парикмахерскую: всех новых учеников обрили машинкой. Посмотрев в зеркало, Стас не узнал себя. Он как будто повзрослел, его взгляд стал задумчивым и тусклым. Проведя рукой по голове, он ощутил под пальцами жесткий колючий ежик. А ведь раньше волосы были очень мягкими. Расстаться с ними оказалось грустно, Стас любил свои небрежные светлые локоны. Наконец, всем выдали ножницы. Ногти велели обстричь под корень, как можно короче, — наверное, чтобы предотвратить травмы в драках. Стас не сомневался: они часто здесь случаются.

Когда и с этим было покончено, новички получили форму и учебные принадлежности, ознакомились с распорядком, правилами и инструкцией по безопасности. Режим в школе был строгий, расписан по минутам. Семь утра — подъем, десять минут на гигиенические процедуры. Затем — построение, переключка. Семь пятнадцать — зарядка. После все переодевались в школьную форму, собирались вместе и пели гимн. В восемь — завтрак, восемь сорок пять — начало занятий, которые проходили как раз во втором, длинном корпусе. В час — обед, с двух до пяти — перевоспитание: либо трудочасы, либо просмотр лекций и фильмов, — эти методы чередовались через день. В трудочасы входила любая помощь по обустройству школьного быта: починка, покраска, уборка, помощь на кухне, уход за территорией. Фильмы и лекции полагалось смотреть внимательно, а после просмотра — писать короткие эссе. Фильмы показывали в основном советские, патриотические, про войну или школу — о юных героях, самостоятельных и решительных. Все они совершали добрые поступки и служили стране, семье и обществу.

В пять — полдник, с пяти тридцати до семи тридцати — факультативы, куда входили разные дисциплины рабочих профессий: швейное дело, поварское дело, автодело и другие. Можно было выбрать творческий факультатив, например, ИЗО или лепку. На трудочасы воспитатели определяли, кто будет мыть полы, а кто — поливать цветы, факультативы же ученики выбирали сами. Всем раздали анкеты, Стас наугад поставил галочку и только потом посмотрел, куда: напротив токарного дела. Ну что ж, токарное дело так токарное дело, Стасу было все равно.

Два раза в неделю час от факультативного времени отводился обязательному сеансу с психологом. Ребятам делили на группы из восьми-двенадцати человек, для каждой назначались свои дни недели и свой час. Психологов было двое, каждый вел свои группы. На сеансах, как в фильмах, все садились по кругу, по очереди рассказывали о себе и передавали друг другу фарфоровую фигурку — сказочную золотую рыбку с гжельской росписью. Вместе с фигуркой передавалось право голоса.

Дальше — ужин, с восьми — свободное время, в десять — отбой.

Дважды в месяц приходил батюшка, а иногда воспитанников самих вывозили в церковь. Раз в месяц устраивались и выездные культурные мероприятия, например, посещения музеев. Наверное, это для всех было глотком свежего воздуха: шансом почувствовать запах свободы и хотя бы ненадолго вернуться в прошлое.

На ужин новички пришли первыми, затем — старожилы. Столовая представляла собой просторное помещение, уставленное длинными столами и лавками. Деревянные половицы скрипели при каждом шаге. Обслуживающего персонала было мало. Все сводилось к тому, чтобы перевоспитание трудных подростков проходило в работе. Поэтому каждый день по столовой назначались дежурные, которые накрывали столы, а затем убирали.

Вскоре в помещении собрались сто пятьдесят угрюмых короткостриженных мальчишек, от десяти до восемнадцати лет. Все галдели, ели неаккуратно. Спертый воздух пах вареной капустой и грязными тряпками. Стас ел солянку из надтреснутой тарелки, разглядывал соседей и абсолютно не понимал, как он тут оказался. Как будто... попал в фильм. Все казалось нереальным. Еще вчера он спал в своей кровати, у него была своя комната. Он был свободной личностью, неповторимым человеком шестнадцати лет от роду, а сегодня эту личность стерли. На смену «я» пришло «мы». И эти «мы», сто пятьдесят человек, словно вышли из одного инкубатора. У всех схожая одежда. Одинаковые стрижки. Но Стас совсем не чувствовал общности с этими парнями.

Он с любопытством наблюдал, как они едят, и гадал, за что они сюда попали. За разбой, драки, кражи, наркотики? Интересно, например, за что сюда угодил Хорек-бык, обозвавший Стаса Барби? Этот парень как раз сидел через два стола от Стаса, иногда недобро на него поглядывал и что-то шептал соседям. Стас взял на заметку: надо запомнить эту компанию и держаться от нее подальше. К счастью, Стас с Хорьком жили в разных комнатах.

Перед сном все отправились чистить зубы. Стас встал с краю желоба, в самой верхней его точке. Когда он выдавил пасту на щетку, сзади раздался насмешливый голос:

– Барби заблудилась?

Глянув в отражение в зеркале, Стас увидел позади Хорька. Вокруг стало очень тихо.

– Я Стас, — ответил он, пока вполне миролюбиво.

Хорек прищурился.

– Тебя будут звать так, как я захочу. Помочь отыскать твое место? Оно вон там. — Хорек показал на самый левый, нижний, край желоба. — Где стекаются все харчки.

И в этот момент Стас кое-что понял о здешней иерархии. Ну конечно, Хорек ведь из старожилков. Он всячески пытался урвать кусок пирога получше. Вон, даже место у верхнего края желоба приватизировал. А Стас нагло его занял.

Стоящий где-то в конце невысокий упитанный паренек с широкими плечами и огромной головой-тыквой спешно собрал свои туалетные принадлежности и, кивнув Стасу, показал на освободившееся место. Он напомнил Стасу Шляпу из компании Мицкевич. Чем? Может, квадратной фигурой? Или взглядом, добрым, но грустным? «Мушкетеры» — так себя величали Томины друзья. Интересно, за что такие сюда попадают?

Сдерживая бешенство, Стас направился к концу желоба. Ты ли это, Шутов? Что с тобой? Прежний Стас уже впечатал бы этого уродца в пол и растирал подошвой его кровь. Он ни за что не смолчал бы и не пошел бы, как послушная собака, туда, куда ей прикажут.

Но перед отъездом Стас дал Егору, своему лучшему другу, обещание: стерпеть все, что бы ни произошло. Ведь он действительно очень хотел измениться, а значит — больше не решать проблемы *так*. Не драться. Никуда не лезть.

– Послушай, Стас, — говорил ему Егор. — Конфликты для тебя опасны. Это как вертеть пакетиком с дозой перед глазами завязавшего наркомана. Не заметишь, как снова подсядешь на иглу, и я уже тебя не вытащу. Обещай мне.

Говоря, Егор неотрывно смотрел Стасу в глаза и казался очень грустным. А еще, несмотря на долговязую худую фигуру и смешно торчащие уши, он выглядел в ту минуту очень убедительным и взрослым. Его невозможно было не послушаться. И Стас пообещал, что все выдержит.

Хорек презрительно хохотнул. Определенно, с этим парнем у Стаса будут серьезные неприятности. Хорек — его игла. Но он справится.

Паренек-тыква оказался соседом Стаса по койке. После того, как понурый Стас вернулся в комнату, он решил его подбодрить: сказал, что вообще-то парни в школе нормальные и кор-межка вкусная, просто сегодня с ужином не повезло. А Хорек, он же Данил Резак, — вожак козлиной компании, которая ко всем цепляется. Но если пореже попадаться им на глаза, все терпимо.

– Меня Коля зовут, — наконец представился сосед.

Стас лежал наверху и всем видом показывал, что не настроен на разговоры, но Коля посчитал иначе. Он стоял возле койки, опершись руками о матрас, и с любопытством рассматривал Стаса. Пришлось представиться в ответ. Разумеется, Коля принял вялый короткий ответ за приглашение поболтать еще и затараторил:

– Я тут за кражи. Увлёкся, знаешь. Ходил по магазинам и тырил все подряд. Эмоции, драйв, круто, в общем. Потом стал попадаться... Родителям надоело меня отлавливать из участков, и вот я тут. А ты за что заехал?

– За убийство, — спокойно ответил Стас.

– Да ла-адно, гонишь? — недоверчиво протянул Коля. — Тебе что, еще нет четырнадцати?

– Почему? Есть.

– Тогда должны не сюда, а в колонию, убийство же. Так что все ты врешь!

– Ну ладно, ты меня раскусил.

Стас посмотрел по сторонам — не подслушивают ли соседи? — и с заговорщицким видом поманил Колю поближе. Тот — весь в предвкушении захватывающей истории — встал на свою койку и наклонил ко Стасу любопытное ухо.

Стас сложил ладони трубочкой и зашептал:

– Зажал библиотечную книгу.

Коля отодвинулся, легонько стукнул Стаса и обиженно воскликнул:

– Очень смешно!

Стас довольно засмеялся. Он так и не раскололся, почему он тут. Считал, что за такое ни в колонию, ни в исправительную школу сажать не должны.

За такое бросают прямиком в ад.

* * *

Новички — их оказалось двенадцать человек — сидели на стульях, расставленных по кругу в спортзале. Намечался пятый групповой сеанс у психолога. В такой обстановке Стас чувствовал себя героем американского подросткового фильма восьмидесятых.

Группу вела Светлана Игоревна, школьный (но Стас бы сказал — тюремный) психолог. Красивая милфа лет сорока. Точеное лицо с кошачьими глазами, смуглая кожа, толстая темная коса. Сегодня на Светлане Игоревне был бордовый свитшот без рисунка и черные брюки; на шее — изящный золотой кулон. Она тоже сидела в кругу.

Слева от Стаса ерзал на стуле Васяй, худой и нескладный паренек. Вытянутое лицо и крупные зубы придавали ему сходство с лошадьё; темные волосы от природы так вились, что даже сейчас, коротко остриженные, умудрялись закручиваться в спиральки.

Васяй раньше дровичил на девушек в общественных местах. На родителей постоянно сыпались жалобы, и однажды их терпение лопнуло — вот они и отправили его сюда.

Васяй поглаживал фигурку золотой рыбки и рассказывал свою историю.

– Понимаете, все эти многочлены, одночлены, пестики, тычинки... — сбивчиво говорил он. — Это все сводит с ума. Я так и вижу, как у меня перед глазами пляшут вагины. А дев-

чонки... Они носят ужасно короткие юбки. У меня все дни в штанах прямо пожар. Сначала в школе я каждую перемену бегал в туалет и... Ну, вы понимаете. Но это не помогало. Потом стал незаметно прямо на уроках. Затем — на улице и в торговых центрах. А потом стал попадаться. Меня три раза в психушку отправляли на обследование...

Большинство присутствующих кивали в знак сочувствия и понимания. Редкие тихие смешки Светлана Игоревна пресекала шиканьем. Сама она что-то записывала в тетрадь, задавала вопросы. Чем увлекался Васяй? Занимался ли спортом? По ответам было понятно, что его ничего, кроме дочки, не интересовало. А как обстоят дела сейчас? Васяй ответил, что сейчас он думает о вагинах немного меньше, потому что их здесь нет. Точнее, мало, поправился он, смущенно взглянув на психолога. И также потому, что здесь очень мало свободного времени и Васяй очень устает. Светлана Игоревна удовлетворенно кивнула и что-то пометила в тетради.

Васяй протянул фигурку Стасу, но тот молча передал ее дальше. Светлана Игоревна взглянула на него озабоченно и спросила:

— Снова ничего не скажешь?

Стас покачал головой. Светлана Игоревна нахмурилась.

Стас — единственный в группе, кто еще не сказал о себе ни слова. У Светланы Игоревны был дар: она могла разговорить почти всех. Кто-то раскрылся уже на первом сеансе, кто-то на втором, Васяй, предпоследний из группы, — только на пятом, из-за того, что история у него уж больно постыдная. А Стас все отмалчивался.

Фигурку забрал Коля, сидящий слева, и заговорил о магазинных кражах. Свою историю он рассказал уже на втором сеансе, но каждый раз нужно было дополнять ее, переосмысливать. Светлана Игоревна перевела на него взгляд и будто забыла о Стасе, но в конце сеанса, когда все стали вставать, попросила Стаса остаться.

— Стас, ты сам ухудшаешь свое положение, — сказала она, когда они остались наедине. — Ты не хочешь со мной сотрудничать, а это означает, что ты не желаешь меняться, становиться лучше. Я очень хочу тебе помочь, но прошу, сделай шаг мне навстречу.

— У вас есть мое дело, вы в курсе всего, — бросил Стас. — К чему мне повторять заново? Вы и так все знаете.

Светлана Игоревна покачала головой.

— Прочитать твое личное дело и услышать историю из первых уст — разные вещи.

— По-моему, абсолютно одинаковые, — Стас пожал плечами. — Я не добавлю ничего нового.

Она посмотрела на него проникновенно, как будто заглядывала в душу.

— Ошибаешься. Ты можешь рассказать мне много нового, такого, о чем даже и сам не подозревал.

Стас покачал головой.

— Мне нечего вам рассказать.

Он сделал шаг, собираясь уйти, но Светлана Игоревна его остановила.

— Ну, хорошо. Я не буду больше настаивать. На сеансах ты просто будешь сидеть и слушать всех.

Про себя Стас удивился тому, что от него так быстро отстали.

— Но взамен ты кое-что сделаешь. — Светлана Игоревна порылась в сумочке, достала чистую тетрадь и ручку и протянула Стасу. — Ты будешь вести дневник своего прошлого и каждый день записывать хотя бы по паре строк обо всем, что произошло.

— Что? — переспросил Стас, не уловив суть. То ли Светлана Игоревна говорила быстро и тихо, то ли это из-за неслышащего уха. Психолог повторила.

— Я не буду требовать от тебя прочитать его. Это останется твоим личным. И я даже никогда не узнаю, выполняешь ли ты мои указания, или же дневник останется пустым. Ты

можешь мне соврать, сказать, что ведешь его, а на самом деле нет, и я не узнаю. Это будет на твоей совести. Да это и неважно. Главное — ты должен его взять.

Стас послушно забрал тетрадь, твердо пообещав себе ни разу в жизни ее не открыть. Но что-то заставило его нарушить обещание в этот же вечер, в свободное время перед отбоем.

Лежа на койке, он задумчиво смотрел на глянцевою темно-зеленую обложку, усеянную рисунками лисьих мордочек и оранжевых кленовых листьев. От тетради веяло чем-то осенним: дождем, прелой листвой, кострами, шарлоткой с яблоками и горячим грибным супом. Он задумался. А было бы забавно... Написать пару строк. О каком-нибудь коротком теплом моменте из прошлого. Почему нет? Он ни разу не видел, как выглядят его воспоминания на бумаге.

Повертев в руках ручку, Стас открыл тетрадь и начал писать. Над пустым листом он не сидел ни минуты: в голове вдруг всплыло воспоминание об одном теплом солнечном дне последнего предшкольного лета. И оно было настолько ярким и сильным, что Стаса будто окунуло в прошлое, в его семь лет.

Мир «до». В окошко улыбку

1

– А Тома приехала?!

Я выпалил это в пятый раз за день, увидев, как из окна второго этажа высунулась Томина бабушка.

– И снова здравствуй, Стасик, — вздохнула она: наверное, я ей уже изрядно надоел. — Еще нет.

– А когда приедет? Сегодня?

– Ох, не знаю. Тетя Оля еще на той неделе обещала, и все никак не привезет нам нашу Томку.

– А завтра приедет? — допытывался я.

– Не знаю я, Стасик. Вот, сама жду. Как только приедет, я скажу, что ты заходил, и она сразу к тебе побежит.

Такой расклад меня не устраивал. Мне нужно было успеть к Томке первым. Так что я твердо решил вернуться минут через пятнадцать и еще разок погонять бабушку.

Нельзя было упускать ни минуты: самое время устраивать пикники на лужайке, жечь костры, играть в чудовищ, лазать по чердакам. Но как же без Томки? Без Томки и на велосипеде не каталось, и в баке не купалось. Без нее вообще ничего не делалось, все казалось ужасно скучным, лето не лето.

В огороде уже поспела жимолость. Я каждый день рвал несколько горсточек, откладывал для Томки. Ждал. А ее все не было, и жимолость сморщивалась, портилась. Ребята во дворе звали играть в козла на жопки, а еще — в «кто дальше плюнет». Я не шел. Звали орать в водосточную трубу — отказался. И прыгать в карьер — тоже. Даже когда мальчишки нашли дохлую крысу и позвали меня посмотреть на внутренности, я не пошел. День за днем я сидел дома над тетрадкой: придумывал, расписывал наше с Томкой будущее лето. В понедельник мы будем играть в чудовищ. Во вторник устроим пикник. В среду отправимся на поиски сокровищ. В четверг у Топуновых созреет клубника, — у них она каждый год раньше всех поспевает — и мы тайком залезем к ним в огород, нарвем ягод...

Я продолжал осаждать Томин дом. Из окна снова и снова выглядывала замученная бабушка, расстроенно качала головой — и я уходил ни с чем. Тетрадь уже почти закончилась, но я знал: подружка все исправит. Моя фантазия не шла в сравнение с Томкиной. Она создавала настоящие сюжетные игры с приключениями. Я пробовал придумать что-то такое, пока ее нет, чтобы себя развлечь, но выходило только жалкое подобие. Томка все не ехала и не ехала.

Как-то, когда я снова пришел к ее дому с самого утра, хорошие новости наконец-то прозвучали. Едет! Бабушка передала, что Тому привезут сегодня к полудню. Я весь извелся. Но вот, полдень прошел. А Томы все не было.

Вскоре родители ушли на прогулку и укатили с собой Яну. Я с ними не пошел, хотя отправлялись они к бобровой плотине, которую я обожаю. Но Томка для меня была важнее всех бобров в мире! Когда она вернется, я обязательно скажу ей об этом. Хотя нет, не скажу. А то еще зазнается и решит, что раз так, ей теперь все можно. И будет мной вертеть, как хочет!

От нечего делать я наматывал круги вокруг частного поселка, состоящего из ста пятидесяти домов. Сорвав прутик, бил им по кустарникам, пытаюсь ударом срезать листья. Получалось плохо, листья просто сминались и обвисали, но срезаться не хотели. Когда это надоело, я вернулся к своему дому, зашел в калитку и сел на крыльце. Теперь я развлекал себя тем, что зачерпывал горсть песка и сыпал на мельтешащих по ступенькам муравьев.

Вернулись родители и загнали меня домой обедать. Я вяло топил ложкой кружочки моркови, представляя, что это вражеские корабли, которые атакуют мое судно — половинку яйца в центре тарелки.

– Пуф, пуф! — я изображал пушечную пальбу по врагам.

Эту игру я придумал только что и уже решил рассказать о ней Томке. Обычно мы играли с едой по-другому: строили картофельные мосты, по которым реку кетчупа пересекали макароны поезда. А по рисовым дорогам ездили морковные грузовики. Я представил восхищенное Томкино лицо в момент, когда я покажу ей новую игру. Вот бы суп завтра еще не кончился, тогда я позову Томку на обед.

Поев, я зашел в спальню родителей, заглянул в детскую кроватку и посмотрел на Янку. Сестренка — мелкая, будто игрушечная, — удивленно таращилась по сторонам круглыми глазками.

– Мам, а когда она уже вырастет? Я хочу научить ее кататься на велосипеде.

– Очень быстро, Стасик, — сказала мама с улыбкой.

– Завтра?

– Чуть-чуть подольше.

Я дотронулся пальцем до Янкиного носа — тоже мелкого, с пуговку. Янка улыбнулась. В этот момент она напомнила мне Веселого Старичка из короткометражного русского мультлика.

– Жила на свете Янка маленького роста, и смеялась наша Янка чрезвычайно просто. Ха-ха-ха да хе-хе-хе. Хи-хи-хи да бух-бух! — напел я, и сестренка снова улыбнулась.

Скорее бы она выросла! Мне не терпелось научить ее всем играм, которые придумали мы с Томкой. Тогда уже не придется считать дни, часы и минуты до Томкиного приезда, ведь рядом будет Янка. Я хотел сделать из сестренки Томкину мини-копию. Правда, внешне они друг на друга не походили: у Янки были светло-серые глаза и коротенькие светлые волосики. Это немного огорчало.

Я взглянул на настенные часы в виде карты мира. Часовая стрелка указывала на Австралию — время приближалось к четырем! Я поднялся к себе в комнату и выглянул в окно. Отсюда, со второго этажа, был хорошо виден деревянный дом Томиных бабушки и дедушки — выкрашенный в голубой цвет, с терраской, над которой располагалось окно в комнату Томи. Если бы был вечер, можно было бы понять, приехала она или нет, по свету в окне комнаты. Но сейчас был день. Я вглядывался в окно, тщетно пытаюсь разглядеть движение за занавеской.

Я в шестой раз направился на разведку.

– То-ма! То-ма! — прокричал я по слогам, подойдя к дому.

Я ожидал снова увидеть в окно бабушку и даже растерялся, когда открылась калитка и показалась... Тома! Я молча таращился на нее, будто не веря глазам. Последний раз она приезжала две недели назад, но всего на день. Я только успел показать ей свое новое приобретение — Янку, как Тома укатила обратно. А до этого она приезжала всего на неделю на весенние каникулы. И вот теперь я радовался ей так, будто не видел по меньшей мере год.

Я все смотрел и смотрел на нее. Растрепанные волосы цвета сильно застиранной черной футболки доходили до плеч; чертами лица Тома напоминала куколку: лучистые карие глаза, пухлые щеки и крутой лоб. А вот одежда была как будто мальчишеская: шорты, кроссовки, футболка, сверху — рубашка.

Тома бросилась ко мне первая, крепко обняла меня и радостно воскликнула:

– Стас! Стас!

Мне всегда нравилось, как по-особенному она произносит мое имя: растягивает последние две буквы, будто не хочет с этим именем расставаться. И со мной. От таких мыслей всегда становилось теплее.

От волос Томи пахло ванилью. Я неловко обнял ее в ответ, даже немного отстранился, делая вид, что мне неприятны девчачьи нежности. Хотя, когда она только открыла калитку,

мне безумно хотелось броситься к ней первым, поднять в воздух и даже поцеловать в макушку. Но я знал: это не по-мальчишески. Нельзя так себя вести с девчонками. Да и вдруг засмеет? Я не выносил, когда надо мной смеются.

– У меня такие новости, ты сейчас обалдеешь! — воскликнула Тома.

И я понял, что наше лето будет куда лучше, чем я спланировал. Что же у нее за новости? Может, она придумала новую классную игру? Я весь обратился в слух.

– Представляешь, мама перевезла меня сюда! Насовсем! — щебетала Тома. — Я теперь буду жить у бабушки! Не только летом и на выходных, а всегда!

Я даже сначала подумал, что это шутка. Но посмотрев в большие честные глаза Тома, я понял: все правда! Я чуть из штанов не выпрыгнул! Вот он, лучший день в моей жизни! У нас с Томой теперь будет не только целое лето, а гораздо больше.

Томина мама и отчим много работали, в Москве некому было за ней следить, ее решили перевезти к бабушке с дедушкой насовсем. Бабушка Тома работала дома, готовила выпечку на заказ, и тут Тома всегда была бы под присмотром.

Томка впустила меня, и вместе мы поднялись к ней в комнату. Я поздоровался с Умкой – Томкиным кроликом. Томка дала мне яблоко. Я откусывал куски и протягивал Умке. Кролик смешно дергал усами и благодарно принимал угощение.

– А в школу мы что, вместе пойдем? – осенило меня.

– Вместе! Здорово, правда? — Тома улыбнулась.

– Не то слово!

Томка всегда ассоциировалась у меня с летом. С солнцем, ягодами, пикниками, запахом травы и малины. С чердачной пылью и морковкой, с кострами и печеными яблоками. Но чтобы Томка – и школа? Это было удивительно. И... волшебно. Ведь не так давно был звездопад, и я полночи смотрел на него в окно. Каждой падающей звезде я мог бы загадать разные желания. Например, чтобы папа поменьше работал. И чтобы мы, наконец, сходили на рыбалку: папа все время рыбачил с дядей Андреем и дядей Мишей, а вот меня никак не брал. Мама говорила: «Не мешай папе, папа устал и хочет отдохнуть с друзьями». Но он же обещал! И вот я мог бы загадать рыбалку, а еще — новый велик. И кровать-машину, и гоночный трек. Каждой падающей звезде – свое желание. Но у всех звезд я просил одно и то же, самое заветное.

И желание сбылось!

...В то последнее предшкольное лето мы с Томой сделали много совместных фотографий. Спустя годы я часто смотрел альбом с грустью. Какая же она всегда была хорошенькая, Томка. Жаль, не любила платья. Зато ее глаза всегда сияли и смеялись, вообще, она была такой солнечной... После *того дня* я уже никогда не видел ее такой. Солнце у нее внутри будто кто-то погасил. Я на тех фотографиях тоже выглядел счастливым. Позже мне не раз хотелось вновь вернуться в яркое беззаботное детство.

Интересно, смотрела ли спустя годы Томка эти снимки? Думала ли о том же?

2

Наше лето, как всегда, наполняли маленькие традиции и ритуалы: совместные обеды то у меня, то у Тома, строительство городов из еды на тарелках, просмотр фильмов, игры в пиратов в корыте-корабле на Томином огороде. Походы в магазин за любимыми «Скиттлс». Пикники, костры и шалаши. У Тома на чердаке было много старой одежды и диковин, из всего этого мы делали костюмы и ставили сценки из любимого кино. Часто играли с Умкой, которую я обожаю, постоянно приносил ей то яблоки, то морковь. Мне и самому хотелось кролика, и я долго выпрашивал у родителей такой подарок. Увы, они были непреклонны, считая, что от животных дома будет одна грязь.

В конце дня мы с Томой играли в «брось в окошко». Придумала это, конечно же, Тома, и у нас обоим игра была любимой. Вечером, проводив Тому до дома, я ждал, когда она высунется из окна. Тома широко-широко улыбалась, «отлепляла» улыбку от губ и бросала мне. Я ловил улыбку и «наклеивал» себе на рот, а затем смеялся в кулак и бросал Томе смех. Улыбки и смех чередовались.

В окошко — улыбку, из окошка — смех.

Я не смог забыть эту простую игру, даже когда вырос.

Когда Тома уезжала в Москву, я становился несносным и капризным. Я злился, тосковал, а еще — остро хотел оказаться в другом месте. Я пока не знал, что это тяжелое чувство называется ревностью. Да, я ревновал Тому к ее московской жизни. К четырнадцатому этажу, на котором располагалась ее квартира, к двору-колодцу и детской площадке в виде огромного корабля, к двум балконам, на которых она проводила много часов. Тома была нужна мне. Она, больше никто, каждую минуту. Она стала моим воздухом, хоть сам я боялся себе в этом признаться.

3

В школе все немного изменилось: я стал общаться с мальчишками из своего класса, а у Томи появились подруги. И все же, хотя в моей новой компании совсем не было девчонок, я привел туда Тому. Ведь она была необычной девчонкой: никогда не плакала, не обижалась, не задавалась, не капризничала. Она охотно принимала правила любых игр, поддерживала любую идею. И ребята приняли ее.

Как-то я гулял с Томой и парочкой одноклассников: мы носились по гаражам и бросали вниз самодельные петарды. Их сделал Толик — из скрученного в цилиндр картона, наполненного счищенной со спичек серой и запаянного клеем. Петарды отлично помещались в маленькие пакеты из-под сока. Зажег фитиль — бросай вниз! Хлопки выходили мощными! Старшие ребята, гоняющие мяч у одного из гаражей, заинтересовались изобретением Толика. Они подошли, попросили посмотреть и тоже попробовать. Так все и подружилось. В моей старой компании было четверо ребят вместе с Томой, новых — тоже четверо. С одной стороны, я был рад: чем больше компания, тем веселее. С другой... старшие никак не принимали Тому. Они как раз считали, что девчонкам в таких играх не место.

Глеб, лидер старших ребят, сказал об этом прямо. Вожаком своей компании он стал после того, как обнаружил на свалке огромную гору использованных шин и сделал ее одним из постоянных мест тусовки. Глеб считал, что Томе тяжело в компании мальчишек. Она не может бегать, прыгать наравне со всеми.

— И еще, — добавил он, — она девчонка, а все девчонки ненадежные. Может разболтать взрослым про то, что мы делаем.

— Да, она еще и мелкая по росту, — ответил я. — Но я же ей всегда помогаю. Вон, я кирпичи в прошлый раз за двоих таскал, за себя и за нее. А главное, Тома никогда нас не сдаст. Она — свой парень.

Глеб покачал головой.

— Это не дело. Она либо с нами на равных, либо не с нами.

Я начал закипать.

— На что ты намекаешь?

— Я хочу, чтобы Тома ушла. Ей с нами не место, пусть общается с девчонками.

— Тогда уйду и я, — сказал я с угрозой. — А со мной и Толик.

Глеб колебался. Ведь именно Толик, гений пиротехники, умел делать классные взрывающиеся штуки из всего, что попадет под руку, — например, из коробка спичек, ниппеля и велосипедной спицы. Да и Костя один с чужими ребятами не останется, тоже уйдет. А значит, снова старшие будут лишь уныло гонять мяч у гаража.

— Хорошо, — поразмыслив, нехотя сдался Глеб. — Только пусть шевелится быстрее. А если когда-нибудь она нас все же сдаст — мало не покажется.

Я поручился за Тому и подумал, что вопрос закрыт. Оказалось, нет.

Однажды я заболел и выпал из жизни компании почти на неделю. Выздоровев, я сразу направился гулять и первым делом зашел за Томой. Время было раннее, остальные должны были собраться позже, и какое-то время мы с Томой гуляли вдвоем.

— Пойдем, наши уже, наверное, собрались, — сказал я, посмотрев на часы.

Тома сразу помрачнела.

— Что случилось? — спросил я, но она лишь дернула плечом.

— Ничего. Просто... не хочу ко всем. Может, вдвоем погуляем?

Я сразу понял: что-то произошло, пока меня не было. Я тщетно попытался расколоть Тому, небрежно спросив:

— Ну, раз ничего не случилось, тогда чего нам вдвоем таскаться, как потерянным?

Говоря, я внимательно наблюдал за реакцией Тома. Она помрачнела сильнее, но спорить не стала и в компанию пошла. В тот день все шло своим чередом, с Томой все держались как обычно. Но на следующий день мне удалось выяснить правду у Кости. Тот признался, что, пока я болел, Глеб просто прогнал Тому.

– Как прогнал? — ужаснулся я, и Костя рассказал подробности.

Это случилось на пустыре, на той самой свалке. Все играли в царя горы, лазали по шинам и сталкивали друг друга вниз. Тома умудрилась спихнуть Глеба и завладеть горой. Тот разозлился и стал стаскивать ее, причем с такой яростью и грубостью, будто боролся за свою жизнь. Тома, разозлившись, тоже стала бороться в полную силу. Вскоре Тома и Глеб уже дрались прямо на шинной горе. Тома победила и в очередной раз столкнула противника вниз! Другие, наблюдая за этой сценой, захлопали, отчего Глеб еще сильнее разозлился. Он велел Томе убираться, кричал, оскорблял ее. Остальные не вмешивались, чтобы не попасть под горячую руку. А потом Глеб бросил в Тому камень. Следом — еще один. Тогда Тома развернулась и с достоинством удалилась. Конечно же, она даже не заревела! Но больше в компании без меня она не появлялась.

Я ужасно рассердился. Да как так? Тома победила Глеба в честной схватке, а он не смог признать поражение перед девчонкой! Я задумался, что делать дальше. Заставить Глеба извиниться — явно недостаточно. Я не подал виду, что знаю правду, но пошел навстречу Томе: теперь иногда мы гуляли вдвоем. Только в такие минуты Тома казалась расслабленной и счастливой.

Однажды мы прогуливались по заброшенному поселку — хозяева прекратили строительство после кризиса в девяностых. Многие недостроенные дома уже опутывал плющ, на крышах пробивались молодые деревья. Пошел дождь. Мы с Томой спрятались в одном из подвалов. Место нам понравилось и запомнилось.

В конце концов я придумал план мести Глебу. Я решил одним махом убить двух зайцев: и наказать обидчика, и устроить революцию. И тогда я почувствую себя в компании свободно и безопасно. Оставалось только дождаться особого случая.

Весной в конце третьего класса в школе вспыхнула эпидемия ветрянки, начался карантин. Глеб и еще двое старших из компании заболели — и выпали на две недели. Мне этого времени более чем хватило.

Для начала я решил пополнить компанию новыми ребятами из класса. А потом позвал всех в тот самый подвал и объявил его базой. Вскоре у базы появилось название — Бункер. Я пошел дальше и открыто объявил себя лидером. Спорить никто не стал. Все понимали: новое место нашел я, значит, у меня больше прав.

Когда Глеб и другие старшие, наконец, выздоровели, они, конечно же, возмутились. Но в драке, в которую переросла ссора, победила моя сторона. Глеб и его друзья с позором ушли. Но часть старших, принявших новые правила, остались в компании.

Власть вскружила мне голову. Мне захотелось создать собственный боевой отряд! После того как мы с Томой посмотрели боевик про отважных ребят из отряда «Степные койоты», вход в Бункер украсила надпись красной краской:

Осторожно! Степные койоты

Через несколько дней я купил на блошином рынке старые значки и провел торжественную церемонию посвящения. Весь отряд выстроился по линейке, я по очереди приколот к груди значок, пожал руку и поздравил. Одарив значком Тому, я заглянул ей в глаза. В них читалась гордость.

Я так и не признался, что устроил революцию только ради нее. Я небрежно объяснил все своим желанием стать лидером. Тома поверила. У меня всегда хорошо получалось прятать от нее настоящие чувства. Пусть и дальше считает, что для меня она — просто «свой парень».

Впрочем, свои истинные чувства к Томе я и сам тогда не осознавал. Они были глубокими и непонятными, но светлыми и теплыми.

Там, где Тома, был мой мир. Стоило оказаться с ней рядом — и мир будто становился необъятным. Где бы мы с Томой не находились: в тесной кабине брошенного грузовика, в рабочей камерке Егорыча, пропахшей ромашкой и книжной пылью, в шалаше, в яме, в кустах сирени, в Бункере — любое тесное пространство вокруг вдруг раздвигало границы и казалось мне бесконечным из-за этой девчонки.

Повзрослев, я не раз бывал в любимых местах из детства — пытался вернуться в воспоминания. Но снова и снова я поражался тому, как все изменилось, каким стало маленьким и... ничтожным. Я чувствовал себя Алисой в Стране чудес, которая съела пирожок и выросла.

А потом думал: а вдруг изменился мир не вокруг, а в моей голове?

Спецшкола. Месяц 4

Стасу снился сон.

Они с Томой, двенадцатилетние, шли по лесу. Стоял ноябрь, было жутко холодно. Губы у Томки совсем посинели, Стас и сам не мог унять дрожь. Ног он уже не чувствовал. Выдохнул — изо рта пошел пар. А вдалеке, у ручья, который не замерзал даже зимой, горел костер и смеялась незнакомая компания. Подойти? Хоть немного погреться?

— Стас, а может, ну его? — сказала вдруг Тома и со странным выражением посмотрела на Стаса.

— Но ты же сама туда хотела? — удивился он.

Это правда, подойти предложила Тома. Самому Стасу идея почему-то по духу не пришлась, как ни хотелось протянуть к спасительному огню онемевшие пальцы.

— Я знаю другое теплое место. — Теперь Тома смотрела на него загадочно. — И там никого не будет. Кроме нас.

— Правда? И что это за место?

— Новое «наше вместе». Пойдем, пойдем! — Тома сделала шаг в противоположную от костра сторону. — Тебе там понравится. Но я не могу сказать, если скажу — оно пропадет. Надо увидеть.

Стас пошел за Томой. Она шагала вперед, по сухим веткам, рукой отодвигая в сторону еловые лапы. Интересно, куда все-таки?

— Там будет другой костер? — допытывался Стас.

— Нет.

— Но там будет тепло?

— Ага.

— Может, какой-нибудь домик?

— Да ты все равно не угадаешь. Там будет очень круто, обещаю. И тепло-тепло.

Казалось, лес бесконечен. Стас и Тома шли целую вечность, и с каждым шагом становилось холоднее. И вдруг они каким-то образом оказались у того самого незамерзающего ручья, хотя шли в другую сторону. Послышался шум воды — ручей вывел друзей к основанию водопада. Стас задрал голову. Какой же высокий! Откуда он? Стас и Тома каждый день играли в войнушку в этом лесу, но никогда не натыкались на это место.

Тома подошла к водопаду очень близко и обернулась.

— Ну? Ты идешь? — показала она на водную стену. — Надо только пройти.

Тома быстро вошла в воду и скрылась. Стас собрался с духом. И так было жутко холодно, а когда он пройдет через водопад, станет еще холоднее. Что Тома придумала?

И все же Стас решился — и вошел в водную стену. Удар обрушившихся потоков был жутким. Ледяная вода вышибла из легких воздух. Стас покачнулся, не смог устоять на ногах и... проснулся от того, что кто-то с силой выплеснул ему воду в лицо.

Стас подскочил, жадно глотнул воздуха и услышал отвратительный смех над ухом.

— Подъем, Барби! Построение, — пропел Резак и, поставив на тумбочку пустой стакан, вышел из комнаты.

Стас обтерся одеялом и осмотрелся. Все спали. До подъема еще пятнадцать минут. Эх, Стас мог бы досмотреть сон и узнать, наконец, куда вела его Тома...

Разочарование было горьким. Сон про лес снился ему часто, но обычно напоминал кошмар: снова и снова Стас проживал ужас того дня у костра. Свой судный день. Но сегодня сон был светлым, добрым. Тома каким-то чудом изменила ход времени, перенесла его в альтернативную жизнь... ту, где вообще не было чертового костра. Интересно, как все у них сложилось

бы? Наверняка сейчас Стас не торчал бы в дыре под названием «школа для трудных подростков» и не терпел бы, стиснув зубы, новые и новые выходки Резака.

Стас откинулся на подушку. С волос все еще текла вода; постель намокала. Он закрыл глаза. Куда же они с Томой шли? Что за новое «наше вместе»?

Из громкоговорителя донеслась песня — «Крылатые качели». Ненавистная. Ее всегда включали на подъем.

Стасу понадобилось три недели, чтобы поверить в то, что исправительная школа — не сон, а его нахождение тут — не ошибка. Этот отдельный мир был устроен совершенно не так, как привычная Стасу жизнь. Постепенно он все же подружился с Колей. И новый друг, приехавший сюда чуть раньше и успевший освоиться, постепенно рассказал обо всех порядках.

Взрослые тут делились на *смотрящих, режимников, санитаров и садовников*. Смотриющие — это педагоги, те, кто непосредственно «перевоспитывал» подопечных. Режимники — охрана, здоровенные лбы в форме, лениво разгуливающие по территории с резиновыми дубинками наперевес. Режимники пресекали побеги, следили за порядком. Дубинки пускали в ход редко — ими умирляли особо буйных. Последних отправляли в карцер — отдельное здание прямо у забора, с унылыми, крохотными темными комнатами. На воспитанников режимники смотрели, как на тараканов, — свысока и с презрением, в разговоры не вступали. На глаза им лучше было не попадаться. Но с некоторыми, по слухам, удавалось договориться за деньги, сигареты или выпивку. Тогда их отношение к тебе будет чуть лучше, на многое закроют глаза. Например, если увидят, как ты шатаешься по территории после отбоя.

— Говорят, кое-кто и сбежать поможет, — рассказывал Коля. — За сотарик килорублей. Но я такого не помню, если и было, то не при мне. Да и где взять такие деньжищи?

Санитары — это медработники. А садовниками называли весь персонал, который к охранной и воспитательной деятельности отношения не имел, например, повара, слесари, сантехники. При этом настоящих садовников в штате и не было, их обязанности выполняли сами воспитанники. Например, стригли газоны. Чтобы сделать это занятие увлекательнее, инвентарь каждый раз был разный: косы, ножницы, даже лопаты. Некоторых смотрящих отличало богатое воображение — и тогда траву не стригли, а выщипывали руками. «Труд изгоняет дурь!» — таков был негласный лозунг школы. С припиской: «Чем труд нелепее, тем больше дури выходит».

Воспитание трудом делало свое дело. Стас чувствовал, что тупеет, забывает сам себя, становится частью послушного стада. Зато времени и сил на мрачные мысли почти не оставалось.

Резак и его лбы устроились в школе хорошо. Их многие боялись. Обычно они сутками играли в карты в беседке: от трудочасов отлынивали, а свои задачи передавали новичкам, в качестве вознаграждения обещая не бить.

Стас не числился у Резака в *любимчиках*: держался слишком амебно, на выходки не реагировал. При встрече с Резаком Стас лишь презрительно сжимал губы, а Резак любил тех, кого можно довести до истерики и слез. Над такими он знатно издевался — идей у него было много. Он ставил любимчиков на колени. Заставлял пить из лужи, вслух оскорблять самих себя или есть друг у друга из рук. Связывал скотчем и запирали где-нибудь на много часов. А любимая забава Резака начиналась после отбоя: он сажал людей на пол и, прижав их ладони ножками стула, садился на него, читал или копался в телефоне. Для некоторых аттракцион заканчивался переломами.

Было у Стаса и Резака что-то общее... Иногда Стасу казалось, что, глядя на этого парня, он будто рассматривает свои старые фотографии. Шутки, угрозы, издевательства, мерзкий смех — все это он позволял и себе. Осознавать это было отвратительно.

Новые приятели Стаса, как ни странно, тоже не ходили у Резака в любимчиках. А ведь словно по какой-то иронии, вся эта компания друзей по несчастью жутко напоминала Стасу «мушкетеров». Его любимые игрушки из прошлого.

Помимо Коли Стас стал общаться с Васяем — тем самым онанистом, который так подробно рассказал свою историю на пятом групповом сеансе у психолога.

– Ну вы это, не ссыте, я только на сеньорин. Сеньоры меня не вдохновляют, — успокоил будущих друзей Васяй в день знакомства.

А еще Стас подружился с Мироном.

Мирон был низким и щуплым, с русыми волосами и веснушками, которые покрывали не только лицо, но и все тело. В прежней жизни он постоянно ссорился с родителями, а после очередной ссоры украл папину тачку и все деньги. На этой тачке он ездил по городу, швыряя деньги в окно, а затем нырнул в ней в городской пруд. А все потому, что не хотел поступать по родительской указке на банковское дело.

– Я вообще это, ну, руками люблю, — смущенно сказал Мирон, когда они со Стасом познакомились. — Ковать люблю... — Он как будто оправдывался. — Хотел пойти учиться ковать оградки, лестницы, декор всякий. А папа сказал, будешь банкиром. И вот...

Мирон был из тех, кому в спецшколе нравилось: тут не было навязывающих свое мнение снобов-родителей, зато былаковка.

Ребята были веселыми, недалекими, добрыми. Коля походил на Шляпу, Васяй своим лошадиным лицом — на одного из друзей Шляпы, которого Стас за эту черту внешности прозвал Ишаком. А Мирон напоминал третьего из «мушкетеров» — мелкого Пятачка. Даже голос был такой же писклявый.

Хоть Стас и не был *любимчиком*, Резак все равно его как-то выделял. Как будто пытался найти в нем слабое место, ударить побольнее, унижить. Иначе как «Барби» или «животное» Резак к Стасу не обращался. При каждом удобном случае пристраивался рядом, понижал голос и в красках расписывал, в какую позу поставит его маму и как будет мучить его сестру. Один раз Резак придумал какую-то очередную «забаву» и приказал Стасу сесть на пол. Тот отказался. Его толпой затащили в туалет, набросили сверху одеяло и избили.

Стас продолжал все это терпеть. Он будто что-то выключил в себе. Дни проходили, оставляя на языке привкус горечи, от которой никак не избавиться.

Иногда казалось, еще чуть-чуть — и он сорвется, просто размажет лицо Резака о кафельный пол. В такие моменты Стас чувствовал на груди прохладное прикосновение иконки, некогда подаренной Томой, а мягкий голос в голове шептал: «Не нужно, Стас, это не выход». Стас выдыхал. Закрывал глаза. Говорил самому себе: «Терпи, ты это заслужил». Считал до пяти. Его отпускало.

От реальности он прятался в мыслях: думал о маме и Янке, о Томе и Егоре. Интересно, как там Тома? С Егором Стас часто созванивался, но друг не приезжал — встречи разрешались только с членами семьи. Раз за разом Стас задавал Егору вопросы о Томе, ему хотелось знать все подробности, но друг увиливал, отвечал коротко: у нее все хорошо, ходит в школу, улыбается. Казалось, он что-то скрывает.

Тома улыбается, надо же... А ведь она столько времени не улыбалась, и виной этому был Стас. Он уже забыл, какая у нее улыбка. Представляя лицо Тома, Стас всегда видел лишь огромные глаза, блестящие от слез и вины, полуоткрытый в испуге рот и изжеванные в кровь губы. Вот бы увидеть, какая она сейчас. Стать невидимкой, сбежать на один день в родной город и посмотреть на Тому хотя бы издали. За это Стас продал бы душу дьяволу.

– Счастлива ли она? Смеется? Танцует? Шутит? — он заваливал Егора вопросами. Стасу было важно знать, что его заточение проходит не зря. Егор отвечал утвердительно. Да, Тома теперь счастлива. Стас превратил ее жизнь в ад, но теперь в этом аду прошел дождь. Он потушил пожары, а сквозь пепел медленно прорастают цветы.

«Забыла ли она меня?» — этот вопрос Стас так и не задал. Он боялся ответа.

Когда-то Тома единственная во всем мире вызывала в нем бурю противоречивых чувств: от смертельной ненависти до нежного желания оберегать и любить вечно. Что осталось от всей этой бури сейчас?

Определенно, он больше ни в чем ее не винил. Его маленькой Янке исполнилось одиннадцать. В *судный день* Томе было двенадцать, всего на год больше, чем сестре сейчас. И, глядя на Янку, Стас не понимал, чего он тогда хотел от Тома? Они оба были глупыми детьми. Их сильно напугали. А ведь страх порой парализует разум, испуганный человек иногда вообще не способен думать и поступать здраво. Особенно — ребенок...

А светлые чувства к Томе? Они как раз никуда не исчезли, но описать их Стас не мог. Он совсем запутался в себе. Ему было плохо без Тома и плохо с Томой. Он не понимал себя и не видел никакого выхода. Неужели нормальной жизни у него больше не будет? Сейчас казалось именно так: он чувствовал себя пустой банкой из-под кока-колы, смятой и выброшенной в мусорку.

А вскоре произошло кое-что, от чего стало еще хуже.

После душа, натянув штаны, Стас почувствовал, как кто-то подошел сзади, а затем шнурок от иконки сдавил шею. Он резко обернулся и увидел ухмыляющегося Резака.

– Что за цапки, Барби?

– Не твое дело, — буркнул Стас.

– Подарок от мамы? Или девушки?

Стас нахмурился. Ухмылка Резака стала еще гаже.

– Значит, от девушки. Хе, бро, а я и не знал, что у тебя есть девушка!

Стас сжал кулаки. «Бро» его звал только Егор.

– Я тебе не бро.

– Да ладно, чего ты? Мы же друзья. — Резак положил Стасу руку на плечо. Стас со злостью ее сбросил. — Она красивая?

Стас молчал.

– И чего она к тебе не приезжала? Мамочку с сестричкой я видел, а девчонку нет. Скинь ее фотку, хоть передерну.

– Думаю, у тебя на нее не встанет.

– Что неужели такая страшная?

– Нет, просто я смотрю, ты больше по мальчикам, — усмехнулся Стас. — Зачем тебе фотки? Тут у тебя и без фоток найдется, на кого передернуть. Большой ассортимент.

На лице Резака мелькнул гнев, но почти тут же губы опять растянулись в нахальной ухмылке.

– За эти слова, Барби, я заставлю тебя вырвать себе язык и затолкать в твою же задницу. Но... попозже. — Тут Резак посмотрел на иконку Стаса. — Мне нравится эта вещица. Дашь погонять?

– Нет. Мне мамочка не разрешает давать другим свои вещи, — съязвил Стас.

– А мы ей не скажем.

– Не могу. У меня от мамы нет секретов.

– Ну, тогда скажешь ей, что я отнял ее силой... — Резак помедлил. — Только нужно все правдоподобно обыграть!

Стас не успел среагировать, Резак уже накинулся на него: схватил за горло и пнул под колени. Стас, охнув, согнулся пополам; Резак толкнул его на пол и навалился сверху. Нащупав какой-то твердый предмет на полу, Стас схватил его и двинул Резака по затылку. Это оказалась жестяная банка с чистящим средством. Резак схватился за голову. Стас сбросил его и поднялся, но тут же кто-то сзади дернул его вниз. Стас снова оказался на полу.

– Эй, Дэн, ты как? — раздался голос Киселева, парня из Резакской компашки.

– Нормально. Только держите этого, я с ним не закончил.

Кисель и Горб прижали Стаса к полу. Резак поднялся, подошел и наступил Стасу на ладонь. Боль прокатилась по руке, а затем и по всему телу. Стас скривился, но сдержал крик. Резак медленно наклонился к нему, взял иконку и повертел в руке.

– Пустите, ублюдки! — зашипел Стас, но его все так же крепко держали.

– Ну вот. — Резак через голову снял со Стаса шнурок. — Теперь и маме врать не придется.

– Не смей! — закричал Стас. — Это моя вещь! У тебя нет никакого права!

Резак удовлетворенно улыбнулся и надел шнурок на шею.

– Неужели мне удалось рассердить нашу Барби? А всего-то и надо было стащить у нее бусики.

– Ты еще пожалеешь! — Стас уже не владел собой. — Ты труп, понял?

Парни загоготали.

– Ох, ох, ох! — с издевкой сказал Резак. — От страха я аж в штаны наложил! Ну а теперь попробуй отбери.

Последнее, что Стас увидел, — подошву ботинка, стремительно летящую в лицо.

Резак нашел слабое место Стаса. Иконка — все, что связывало его с прошлым и не давало задохнуться здесь.

Он должен ее вернуть.

Тот день. Ешь стекло!

1

На пятый учебный год нашу с Томой параллель перемешали, классы собрали заново. Я, Тома и Егор попали в гимназический 5 «А», а в простом 5 «Б» оказались все остальные мои друзья-койоты. Это очень огорчало. Кроме Тома и Егора, мне никто в моем классе не нравился, и теперь я охотнее проводил время с «бэшками».

Поздней осенью, незадолго до моего тринадцатилетия, отряд играл в войнушку. Мы носились по лесу и стреляли друг в друга из игрушечных автоматов, целясь в прикрепленные к груди пакеты с краской. Продырявят пакет, потечет краска — и ты убит. Убит — иди домой, для тебя игра кончилась.

Мы с Томой осторожно пробирались через голые колючие кустарники. Мы были разведчиками. Наша задача состояла в том, чтобы найти вражескую базу и забрать флаг.

Изо рта шел белый густой пар. Мерзлая земля под ногами заиндевила. Ступать надо было осторожно и тихо — лагерь врагов был где-то рядом.

Заметив за кустами чужого разведчика, я прицелился и выстрелил. Мы с Томой подошли к побежденному — им оказался Толик. Он грустно смотрел на продырявленный пакет на груди.

– Ты убит. Иди домой, — важно объявил я, и Толику ничего не оставалось, как послушаться.

Мы направились дальше. Я искоса смотрел на Тому, шагавшую рядом с винтовкой на плече. За это лето Тома сильно изменилась: волосы стали гуще и пышнее, губы — пухлее и ярче. На лбу появилась россыпь мелких прыщиков. Мешковатые толстовки не могли скрыть того, как изменилась и Томина фигура. Своей груди она дико стеснялась и все норовила спрятать ее под свободной одеждой. Но мне, наоборот, нравились эти перемены. Мы выросли, и мои чувства к Томе становились сложнее.

Мы с Томой совсем замерзли. Скорее бы уже найти вражеский лагерь. Но мы все шли и шли. Вдобавок, почему-то я нервничал. Из-под кофты выбилась нательная иконка, которую подарила мне Тома чуть больше года назад. Я схватился за шнурок, погладил прохладную гладкую пластмасску. Это всегда меня успокаивало.

Иконка представляла собой маленький зеленый прямоугольник на грубом красном шнурке, в центре — изображение Святого Серафима, в день которого меня крестили. Я никогда не снимал иконку, не продал бы ее ни за какие деньги. Она выручала меня в самые тяжелые минуты. Правда, что-то было не в ее власти...

– Мне кажется, мы не туда идем, — вздохнула Тома. — Слышишь что-нибудь?

Я прислушался.

– Нет.

– И я о том же. Тут уже ничьих голосов не слышно. Даже Мишки, а он на весь лес орет. Ощущение, что мы отдаляемся от поля игры.

Мы остановились и огляделись, пытаясь по одинаковым елкам вокруг найти правильное направление.

– Я думаю, ты права, — кивнул я. — Надо возвращаться.

Но тут я увидел просвет среди стволов. Мы пошли на него и оказались у ручья. Он обозначал восточную границу игрового поля. База нашего отряда располагалась на юге, значит, враги разбили свою на севере.

– Я знаю, куда идти, — сказал я и пошел к северу вдоль ручья.

Самое важное теперь — не пропустить границу, которая отделяла северную часть поля. Рядом с ней, недалеко от ручья, находились валуны. Мы с Томой не сводили глаз с деревьев, тщетно высматривая за ними темно-серые верхушки огромных камней.

— Я думаю, мы уже прошли границу, — вздохнула Тома, стуча зубами.

Я промолчал. Я тоже засомневался, но не хотел признавать, что ошибся, поэтому упрямо продолжал путь. Томе ничего не оставалось, как идти следом. Вдруг я услышал голоса и, обрадовавшись, прибавил шаг. Неужели это лагерь?

Голоса стали громче. Впереди тропинка заросла густым кустарником. Мы осторожно раздвинули колючие ветви и осмотрелись. Тома удивленно воскликнула:

— Это не наши!

У ручья вокруг костра стояли мальчишки, на вид — чуть старше нас. Они подбрасывали ветки в костер, болтали и смеялись. Уютно потрескивали сучья. Я почувствовал теплый запах дыма. По телу пробежали мурашки — как же я замерз!

Правда, мальчишки как-то чудно себя вели. Они прислоняли ко рту целлофановые пакеты, и те то раздувались, то сжимались у лиц, напоминая зонтики медуз. Я понял, что они делают, только когда в нос вместе с запахом дыма ударила резкая химическая вонь. Я заметил, что на мальчишках грязная одежда, а глаза у них какие-то стеклянные. Сердце екнуло. Надо убираться подальше...

— Пойдем отсюда, — шепнул я Томе и попятился. Но было поздно.

— Эй! — крикнул один из мальчишек, с свиным лицом.

Мы с Томой растерянно переглянулись. Убежать или остаться? Если мы убежим, незнакомцы могут погнаться за нами. Я бегал быстро, но боялся за Тому: та могла отстать. Пришлось выйти из укрытия.

Один из парней встал с земли и пошел навстречу. Он излучал дружелюбие, но оно казалось искусственным, даже каким-то зловещим. Глаза были добрыми, с тяжелыми веками. А вот улыбка ужасала: все зубы оказались темными, как у древнего старика.

Я шел чуть впереди, стараясь заслонить Тому.

— Привет, — сказал темнозубый, поравнявшись с нами, и с любопытством оглядел нас.

Мне показалось, что ему больше интересна наша одежда, чем мы сами. Парень будто раздумывал, сразу ли подобрать с земли кирпич, двинуть гостей по макушке да забрать куртки или сначала познакомиться?

— И чего вы подглядываете? — недовольно спросил он, будто мы незаконно проникли на его личную территорию.

Я ответил, что мы просто искали своих и случайно оказались здесь. Незнакомец завалил меня вопросами: что за свои, сколько их, как далеко отсюда? Меня это насторожило. Почему пацану это важно? Может, он хочет убедиться, что нас не найдут, если... что-то произойдет? Я поежился, одернул себя. Чего я так трушу?

Темнозубый, посмотрев на дрожащую от холода Тому, предложил нам погреться у костра. Я хотел отказаться, но Тома посмотрела на меня с такой мольбой, что пришлось принять приглашение. Да что случится за десять минут у костра? Я пытался успокоить себя, но тревога никак не уходила.

Вскоре я с наслаждением подставил огню озябшие руки, стараясь не замечать отвратительный запах клея. Хорошо, что мальчишки отложили свои странные пакеты. Я глянул на Тому — она казалась довольной — и слегка улыбнулся. Может, не так все и плохо? Только от любопытных взглядов по-прежнему было неуютно.

Темнозубый представился: Круч. Я спросил, что за странное имя, но Круч глянул на меня так, будто стужей дунул, и стало ясно: этих странных ребят очень легко задеть. Но через секунду лицо Круча разгладилось, он хохотнул и беззаботно объяснил, что это прозвище, а так его звать Димоном. Остальные представились, мы с Томой тоже назвали свои имена.

Нас спросили, где мы живем и учимся. Я думал соврать, не хотелось, чтобы странная компания узнала о нас что-то, но Тома бесхитростно выдала информацию. Я ткнул ее локтем в бок, но поздно. А Круч заметил этот тычок.

Вопросы в основном задавал Круч. Он называл меня Славой, словно показывая пренебрежение. Меня коробило, но я терпеливо поправлял его, зная, что Круч все равно «забудет» имя. Все очень напоминало допрос. Тома в конце концов поняла, что зря разболтала, где мы живем, и теперь каждый раз, когда ее о чем-то спрашивали, смотрела на меня, пытаясь по глазам прочесть, что отвечать. В конце концов это взбесило Круча.

– С хера ты вс-с-се время на него с-с-смотришь? — ощерился он. Из-за того, что он постоянно растягивал свистящие и шипящие, голос напоминал змеиное шипение. — Он что, папка твой? Сама отвечай, когда тебя спрашивают.

Я велел Кручу не давить на нее. Круч вспылил и заявил, что он тут главный и только он решает, кому и что говорить. Он приказывает, а остальные повинуются. Круч посмотрел на Тому добро, по-отечески, и продолжил задавать вопросы уже дружелюбнее. И со страху она выболтала все: из какой мы школы, что здесь делаем, где наша компания. Круч удовлетворенно улыбнулся, узнав, что сейчас никто не знает, где именно мы находимся. Эта улыбка мне не понравилась.

– Том, может, пойдём? — предложил я, старательно делая вид, будто мне плевать — остаться или уйти, — и будто я ничуть не боялся эту жуткую компанию.

Круч встал за спину Тома и положил руки ей на плечи. Смотрел он при этом на меня.

– Пос-с-стойте еще минут пять. Вы еще не прогрелись.

Тон был предупреждающим и непререкаемым. Что будет, если возразить? Сглотнув предательский комочек в горле, я смотрел на цепкие лапищи, держащие Тому. Она вся дрожала. Как же мне хотелось подскочить к Кручу, оттолкнуть его, заслонить Тому... Но разум подсказывал: лучше не делать резких движений.

Я с деланным равнодушием пожал плечами. Парни опять отвлеклись на костер: стали наматывать свои пакеты на палки и совать их в огонь. «Фшш, фшш», — шипел расплавленный целлофан. Над съжившимися пакетами плясали голубые язычки пламени. Парни замахивались палками, окатывали друг друга брызгами расплавленного целлофана. Досталось и мне.

– Эй, совсем больной? — рывкнул я парню, который меня обрызгал, и стал оттирать целлофан от куртки. — У тебя мозг есть, торчок? Или весь сжег?

И тут все разом посмотрели на меня, будто хищники на жертву. Круч сузил глаза. Парень, обрызгавший меня, шагнул ко мне и потребовал повторить мои слова. Круч одернул его и сказал, что сам разберется. Я тут же залепетал, что ничего такого не говорил. Но оправдаться уже не получилось.

– Ты яс-с-сно дал понять, что считаеш-ш-шь Быру долбанутым торчком, — по-змеиному сказал Круч.

– Но я вовсе не считаю... — спорил я.

– Но ты *сказал* это. Это твои слова.

Жуткая улыбка Круча давила на меня. Я вжал голову в плечи. Я понимал: больше нет смысла скрывать панику. Надо бежать.

– Тома, мы уходим. — Я взял ее за руку, холодную, будто ледышка, и пересекся с ней взглядом. Глаза Тома были как у напуганного зверька. Сердце защемило. «Потерпи, я выведу тебя из этого ада. Тебе ничего не сделают», — послал я Томе мысленное сообщение.

– Слыш-ш-шь, а я вас отпускал? — Круч сделал шаг и преградил мне дорогу.

От него так и веяло угрозой. Какой шаг будет верным? Что если я сейчас толкну Круча и попытаюсь прорваться силой? Скорее всего, на меня накинутся всей толпой. Я растерянно переминался с ноги на ногу, не зная, как поступить.

И тут Круч заявил, что забирает Тому, а я могу идти на все четыре стороны.

Желудок свело от ужаса. Тома до боли вцепилась в мою руку ледяными пальцами. Круч в ту же секунду грубо схватил ее за свободную руку и дернул на себя. Тома взвизгнула, отпустила меня и заверещала, умоляя отпустить ее. И тут трусость и здравый смысл отступили; их сменила смелая ярость. Расправив плечи, я сделал шаг к Кручу и жестко сказал:

– Мы уходим домой. Вместе. Вы никуда ее не заберете.

Круч удивленно посмотрел на меня, потом медленно подошел. Встал близко, так, что я чувствовал его мерзкое дыхание и видел каждый гнилой зуб.

– Ты мне не нравиш-ш-шься, — прошипел Круч. — Ты слишком борзый. Шуруй отсюда. А вот девчонку мы оставим.

И... все? Я уже напрягся, готовый к удару, но Круч просто... прогнал меня? Ну нет! Я не оставлю Томку. Эти чудовища могут сделать с ней что угодно. Я всеми силами отгонял панические мысли. Я не позволю. Пусть лучше меня убьют. Я — командир «Степных койотов», храбрейшего боевого отряда в мире. Я отвечаю за всех.

Я глубоко вдохнул, собрался и... толкнул Круча. Тот пошатнулся, но устоял на ногах. Лицо его стало таким обиженным, будто он получил удар от лучшего друга. Тут же я почувствовал резкую боль под коленями, а затем земля ушла из-под ног: яйцеголовый пацан, обойдя меня, пнул под колени и повалил на землю. Я попытался встать, но Круч уже надавил мне ногой на грудь.

– Ты будешь делать то, что я тебе прикажу. Понял? — отчеканил он.

Раздался жалобный плач Тома. Круч в ярости уставился на нее.

– Заткнис-с-сь! Или привяжу тебя за волосы к дереву, а ночью вороны выключают твои глаза.

Тома, всхлипнув в последний раз, замолчала.

Дышать было тяжело — Круч давил ногой на грудь со всей силы. Я закашлялся.

– Враги на нашей территории. — В голосе Круча слышалось что-то безумное, бешеное. — Что будем с ними делать?

Страх словно засасывал под землю. Казалось, Круч весит целую тонну.

Я молился, чтобы остальные из жуткой шайки сохранили хотя бы каплю здравого смысла...

– Повесить! Сжечь! Повесить! Сжечь! — раздался жуткий хор.

Все тело оцепенело от страха. Мои молитвы не были услышаны.

2

Чудовища сомкнулись вокруг нас вопящим кольцом. Они вопили и били палками по земле, словно исполняя жуткий синхронный танец. Я зажмурился, задрожал — не то от страха, не то от холода. Я ведь все еще лежал на мерзлой земле.

«Господи, пожалуйста, если я выберусь отсюда живым, обещаю всегда обходить мутных типов, нюхающих клей, за километр, — думал я. — Обещаю, что перестану жмотиться и каждую Пасху буду покупать новую свечку. Я буду помогать маме мыть пол. И самостоятельно относить свои грязные вещи в стирку. Да я даже начну сам выбрасывать мусор, только спаси меня! Не только меня... Нас с Томой. Но если это невозможно, то... Хотя бы Тому. Она куда лучше меня».

Тома что-то пискнула, но я не разобрал. А вот Круч услышал и ответил ей, что сейчас они поиграют в интересную игру. Круч и Яйцеголовый встали по обе стороны от меня, схватили за куртку и, грубо подняв с земли, заломили мне руки.

— У тебя был шанс, но ты его упустил, — сказал мне Круч, как будто с сочувствием. — Упрямый как осел и гордый. Блевать тянет от таких. А ты... — Он перевел взгляд на Тому.

— Я не гордая, честно! — выпалила та.

— Докажи! — ухмыльнулся Круч.

Тома растерялась.

— Что... нужно сделать?

— Встань на колени!

Тома вопросительно посмотрела на меня и... подчинилась. Я отвернулся. Мне было противно видеть Тому настолько униженной. Сама она не отрывала от земли глаз. Круч похвалил ее, назвал послушной девочкой. Мне хотелось сплюнуть. Круч задумался, перевел взгляд с меня на Тому и обратно и вдруг спросил:

— Вы двое — друзья?

Тома что-то утвердительно пискнула.

— На что вы готовы пойти друг ради друга?

Вопрос был адресован мне. Но я молчал.

— Отвечай! — Круч встряхнул меня.

— На все. — Я не мог соврать, хоть и понимал, чем это грозит.

— Тогда поиграем в ката в мешке!

По моему позвоночнику пробежала новая волна озноба.

Совинолицый подошел к Томе сзади и натянул ей на голову пакет. Тома завизжала. Я вырывался, ругался, угрожал, но парней это только забавляло. В ушах загудело. Голос Круча доносился будто через помехи: «Что ты сделаешь ради своей подружки? На что ты готов ради нее? На что? На что?»

Томе заломили руки, и у меня сжалось сердце. Круч выпустил меня, но его место тут же занял Яйцеголовый. Круч прошелся вокруг, поднял с земли стеклянную бутылку, разбил ее о кирпич. Аккуратно поднял осколки и протянул мне — будто официант, подающий клиенту лучшее блюдо ресторана.

— Еш-ш-шь стекло, — сказал он зловеще.

— Не буду, — ответил я. Что за чушь? Он что, это всерьез?

— Ах не будешь, ну тогда...

Круч бросил на землю осколки, кивнул Совинолицему. Тот, схватив Тому, потащил ее к костру и низко наклонил над ним ее голову. Тома взвизгнула от боли. От жара пакет сразу прилип к ее лицу.

— Козлы! Да что же вы делаете? Вы же сожжете ее! — Я опять тщетно рванулся вперед.

Тому отпустили. Она отползла от костра и соскребла с лица расплавленный целлофан. Ее лицо было все черное. Круч вкрадчиво поинтересовался:

– Так ты будешь есть стекло? Или нам поджарить твою подружку?

Я растерянно обвел глазами злые лица, надеясь, что это всего лишь шутка. Я встретился взглядом с Томой, и она потупила голову. Я знал: Тома хочет, чтобы я подчинился. Она боялась. Я закрыл глаза. Сдался. Я понимал: торчки не шутят, они правда сожгут ее. Если я не помогу. Круч указал на землю, будто приглашал меня к праздничному столу. Я медленно наклонился, взял самый маленький осколок, неуверенно посмотрел на Тому. Все было словно в тумане. Будто это происходило не со мной. В каком-то сне.

Положив осколок в рот, я сжал челюсти. Во рту отвратительно скрипнуло. Небо тут же пронзила боль, а на языке образовался резкий вкус ржавчины. Я тщетно пытался разгрызть твердый осколок. Круч и остальные смотрели на меня все с теми же безумными улыбками. Тома продолжала изучать землю.

«Осталось ли что-то от твоей гордости, Стас Шутов?» — обратился я к самому себе. И... вдруг осознал, что они не причинят Томе вреда. Сломать меня. Именно это — цель Круча. Но я этого не допущу. Я с отвращением выплюнул стекло вместе с кровью и крикнул, что они не посмеют навредить Томе.

Круч заходил из стороны в сторону, наверное, выдумывая новые пытки. А затем он сказал то, чего я совсем не ожидал услышать: пообещал отпустить Тому. Та с надеждой подняла глаза. Она все так же избегала моего взгляда, не смотрела на меня, будто меня здесь не было. На лице Тома застыло жалобное выражение. Круч повторил обещание, но добавил, что для этого Томе придется кое-что сделать.

– Что?.. — По ее дрожащему голосу я понял, что она готова на все, и с ужасом представил, что сейчас ее заставят есть стекло... но нет.

– Порезь ему вены! Перейди на нашу сторону!

Тома переспросила, решив, что ослышалась. Слова прозвучали во второй раз.

Круч говорил с Томой по-отечески. Даже ласково обнял. Пытался убедить, что я — враг, а врагов надо наказывать. Круч сможет отпустить ее, когда она докажет свою преданность. А для этого ей нужно порезать меня. А потом Круч протянул Томе «розочку» от разбитой бутылки. Тома взяла ее неуверенно, держала слабо, все это казалось нелепым. Мне вывернули руку и оголили запястье.

– Ну же! Смелее! — Круч подтолкнул Тому ко мне. Она шла будто на ватных ногах. Подойдя вплотную, она подняла пустые овечьи глаза, в которых застыл вопрос: как поступить? Я отвел взгляд. Пусть сама решает.

Тома все же прикоснулась ко мне чертовым стеклом, хотя я до последнего надеялся, что она не станет. Тома слегка провела по моей коже тупой стороной, не оставив ни боли, ни следов.

– Ты все делаешь неправильно! — Круч разозлился, и, выхватив горлышко из рук Тома, оттолкнул ее. Тома упала. Я зажмурился, но боли не последовало. Круч отвлекся и на время забыл обо мне. — Девчонки ничего не могут сделать нормально. От них одни сопли и слезы!

Тома, сжавшись на земле в комок, тихо всхлипывала. Но тут же Круч сменил гнев на милость. Погладил Тому по голове, как любимую зверушку. Успокаивающе сказал, что она хорошая девочка и что хороших девочек не за что наказывать. Наказывать надо борзых упрямец. А Тома свободна, ее отпускают.

Тома недоверчиво посмотрела на Круча, с испугом — на меня, а потом снова на Круча, уже вопросительно.

– Мы немного поиграем с ним и отпустим, — сказал Круч мягко. — Мы ничего ему не сделаем. Просто пошутим. А ты иди. Иди же, ну!

И, когда Тома уже собралась встать, он наклонился над ней и сказал на ухо, но так, что я все расслышал.

– Но если ты кому-нибудь скажешь о том, что увидела, мы убьем его. А потом я приду на твою улицу, найду тебя и разрежу тебе живот, вот здес-с-сь, – Круч дотронулся до живота Тома. — Я намотаю твои киш-ш-шки на забор, и птицы будут их клевать. Иди, девочка.

Тома вскочила и побежала. На меня она даже не взглянула. Как будто меня больше не существовало.

– Беги, крольчиш-ш-шка! Беги, да не оглядывайся! – крикнул Круч ей вслед.

На несколько секунд мне вдруг стало необыкновенно легко дышать. Тома на свободе. Она позовет на помощь, и меня спасут. Но тут Круч снова подошел ко мне и посмотрел в упор — так, что от страха свело живот.

– А теперь мы поиграем...

До этого момента все мои мысли занимала Тома, я совсем не думал о себе. Но теперь Тома в безопасности. А что будет со мной? Все головы повернулись ко мне. В воздухе разливалось безумие. Откуда столько ненависти? Что я сделал этим парням?

– Я не буду играть в твои дурацкие игры, — все же смог выдать я.

Круч ослабился.

– Эта игра тебе понравится! Мы поиграем в раба и господина. Чур я господин! — Круч выставил вперед ногу. — Мои ботинки очень грязные. Вылижи их!

Остальные заржали и выжидательно уставились на меня.

– Не стану, — твердо сказал я.

– Рабы должны подчиняться. Не подчинишься — накажем!

Но я упрямо стоял с прямой спиной. Тогда мне снова заломили руки и наклонили к земле. Ботинки Круча зависли перед глазами.

– Лижи! Лижи! Лижи! — раздался хор голосов.

Я притворился, будто собираюсь подчиниться, и наклонился ниже. Круч поднял ногу повыше — я схаркнул. Плевок попал на ботинок и штаны. Я выпрямился. Круч, растерянно взглянув на плевок, медленно поднял голову. Его лицо побледнело и исказилось злобой. Я понял: игры кончились.

В следующую секунду меня бросили на осколки. Круч наступил мне на руку и с чувством повернулся. Под моей рукой было стекло. Ладонь пронзила резкая боль.

– Еш-ш-шь землю! Ешь землю! Ешь!

Вот бы все это оказалось игрой... Вот бы кто-нибудь сейчас сказал: «Ты убит. Иди домой». И я с радостью понесся бы прочь... Но это была не игра. Ладонь кровоточила и уже даже онемела.

Я верил, что Тома добежит до одного из лагерей, расскажет друзьям, что случилось, и отряд ринется на помощь. За сколько она найдет ребят? Не заблудится ли? От лагеря мы шли долго, но, может, она отыщет путь короче?

Парни накинулись на меня, бросили на спину. Теперь двое держали мои ноги, один — руки. Яйцеголовый силой открыл мне рот, а Круч стал заталкивать в глотку мерзлые клочья земли. Я закашлялся. Я пытался сопротивляться, но это было бессмысленно. «Нужно потерпеть. Помощь уже близко», — думал я. Я представлял Томку. Видел ее испуганное лицо, слышал сбивчивое дыхание. Она старается, бежит изо всех сил. Грязная, в ссадинах. Ветки бьют ей по лицу, оставляя царапины. Она падает, но тут же вскакивает.

Тома — мой лучший друг. Она приведет помощь.

Я пытался выкашлять землю, но получалось плохо. Мне не хватало воздуха.

И вот я увидел в мыслях, как Тома прибегает в лагерь. А там кипит ожесточенная битва, все уцелевшие собрались в решающей схватке. Тома падает, сбивчиво бормочет, что я в беде. И вот весь отряд бежит на помощь.

Где же они? Ведь я вот-вот задохнусь и умру.

– Пожалуйста, перестаньте, — промычал я. — Хватит!

Но чудовища улюлюкали и все повторяли:

– Ешь! Ешь!

Почему так долго? Неужели Тома заблудилась? Или не нашла никого у лагеря и теперь бегаёт по лесу, отчаянно пытаюсь отыскать хоть кого-то? Или она решила не блуждать здесь и сразу ринулась в город, чтобы привести взрослых? Ну конечно! Тома все просчитала! Позвать взрослых – лучшее решение. Взрослые мигом все решат.

Торчки дали мне передышку и отпустили. Я сразу перевернулся на живот, встал на колени, и меня вырвало. Со всех сторон раздалось довольное ржание.

– Что дальше, Круч? Может, заставим его сожрать это?

Желудок снова свело. Ароматы хвои, костра, мерзлой земли, прелых листьев перемешались с химозной вонью плавленого целлофана и клея. К этому прибавились животные запахи: пота, рвоты и крови. Я вцепился ногтями в мерзлую землю до боли, пытаюсь удержаться в реальности. Все кружилось перед глазами, я будто вращался в бешеном смерче. И тогда я представил, что это война. Все это время я воевал не с тем врагом и не видел настоящего. А настоящий — вот он, передо мной. Враг схватил меня и теперь выпытывает секреты. Но я ничего не выдам. Я не сдамся.

Позывы прошли. Я все еще стоял на коленях, пытаюсь восстановить дыхание. Чьи-то руки потянули за куртку, затем меня перевернули на спину. Над головой зависла гнилая ухмылка Круча.

– Ну что? Будеш-ш-шь слушаться?

Я молчал.

– Я же все еще могу тебя простить.

И снова тишина. Круч встряхнул меня.

– Ну? Скажи: с-с-слушаюсь и повинуюсь, мой господин. Встань на колени. Скажи это. Вылижи мои ботинки и сможешь идти домой.

Со всех сторон опять раздался хохот.

Дом... Какое чудесное слово. По телу разлилось тепло. Я бы многое отдал, чтобы сейчас оказаться дома. Но я ни за что не позволю так себя унижить.

И я плюнул Кручу в лицо.

Дальше я ничего не видел, перед глазами лишь мелькали черные и оранжевые точки. Зато я отчетливо чувствовал каждый удар: ногами под ребра, по лицу, почкам, голове, коленям, большинство — в живот. Глаза застилала едкий пот, грязь, кровь. А потом я вдруг почувствовал жар от костра и острую боль в ухе. В голове взорвался ядерный гриб.

– Круч, ты его сожжешь на хер. Надо тушить, — раздался чей-то голос.

– Ты прав. Вызываем пожарных.

Перед тем, как потерять сознание, я услышал хор расстегиваемых ширинок, а затем на меня хлынули теплые вонючие струи.

Я не знаю, как вышел из леса. Сознание включилось на пороге дома. Я помнил полный ужаса крик мамы — приглушенный, будто доносящийся через толстые стены и сквозь равномерный гул, словно за этими стенами кто-то пылесосил.

Я зашатался, и меня подхватили заботливые руки. Дальше я помню происходящее только вспышками.

Тряска. Шум мотора. Прохладная рука на пылающем лбу, нежный мамин голос:

– Потерпи, Стас. Все будет хорошо.

– Тома, Тома, — бормотал я. Второй слог имени тяжело мне давался, губы с трудом шевелились, и я его просто проглатывал.

– Что ты говоришь? Тебе больно? Холодно? Потерпи, Стасик...

Но я все повторял себе под нос: «Тома. Где Тома?»

Затем реальность погрузилась в темноту.

3

Я очнулся на дребезжащей медицинской каталке. Голова вспыхнула болью. Я открыл глаза, но тут же зажмурился от яркого света проплывающих под потолком ламп.

– Где я? — выдохнул с усилием. — Куда вы меня везете? Хочу домой. Где мама? Где Тома? Больно...

– Все хорошо, Стас, — раздался бодрый мужской голос. — Ты в больнице. Мы тут тебя немного подлатаем, будешь как новенький и пойдешь домой.

Голос звучал успокаивающе, но страх не проходил.

Меня ввели в операционную, где мне вкололи анестезию.

– Считай от одного до десяти, — велел тот же голос. Надо мной склонилось лицо, закрытое маской, которая по форме напомнила мне свиной пяточок. Я видел только глаза врача — черные, большие, внимательные. Я досчитал до семи, а потом опять выпал из реальности.

Когда я снова очнулся, в ушах стоял гул. В голове будто засел инородный предмет, который сильно мешал, но боли я уже не чувствовал. И лежал я на мягкой койке, а не на каталке. В палате. Собравшись с силами, я ощупал голову. Вокруг нее, закрывая ухо, шла плотная повязка.

Вскоре я услышал голоса. Разговаривали мама и, кажется, тот врач, который просил меня считать. В тоне мамы слышалось отчаяние.

– ...Но ведь у всех барабанная перепонка восстанавливается сама... В тяжелых случаях ее наращивают операцией. Почему здесь так нельзя?

– К сожалению, мы не в силах ничего сделать, — грустно ответил врач. — От барабанной перепонки ничего не осталось, а все три слуховые косточки разрушены. Мы не сможем восстановить слух — лишь остановить воспаление и ликвидировать боль. Назначим курс антибиотиков и сосудистые препараты, они смогут убрать шум... Мальчику потребуется абсолютный покой. Не допускать попадания воды в ухо, а также...

– Мам, мам, — тихо позвал я, еле ворочая языком.

Разговор сразу прекратился. Раздались другие звуки: отодвигаемый стул, шуршание одежды, шаги. И вот мама села напротив и взяла меня за руку.

– Как чувствуешь себя, Стасик? Что болит? — обеспокоенно спросила она.

Я кивнул.

– Все. И плохо слышу. В голове очень шумит.

Мама вопросительно посмотрела на врача. Врач кивнул.

– Шум со временем пройдет.

Про потерю слуха он ничего не добавил. Но у меня не было и мысли, что я могу его потерять. В такое просто не верилось. Как одно из пяти чувств может просто взять и исчезнуть? Я верил: это временно. Я выздоровею, и все станет как раньше.

Мама посмотрела на меня очень серьезно.

– Стас. Ты должен рассказать мне, что с тобой случилось. Кто это сделал? Где это произошло? Как они выглядели? Их найдут и обязательно накажут.

Я отвечал на мамины вопросы неохотно и односложно: напали, избили, лиц не запомнил. Сколько их было — не помнил, возраст тоже определить не смог. В тот момент мне было неприятно вспоминать эти подробности, хотелось просто вычеркнуть произошедшее из памяти. Я знал: мама хочет, чтобы виновников наказали, а мне хотелось только, чтобы меня не трогали. Я не осознавал, что уже через пару месяцев, окрепнув, пожалею об этом решении.

Мама ушла, когда закончилось время для посещений. Я попробовал заснуть, но не смог из-за боли во всем теле, а еще — из-за страха. В голову отвратительным слизнем вползла мысль: «А что, если они доберутся до меня и здесь?»

Моя палата находилась на третьем этаже, это успокаивало. Значит, в окно они влезть не смогут. Но через дверь... Сердце заколотилось. Я представил, как она открывается, почти увидел в проеме мерзкую рожу Круча... Я забрался под одеяло с головой. Они не придут, не смогут пройти через охрану и бойкую дежурную медсестру.

Потом мысли метнулись к Томе. Куда же она пропала? Может, с ней что-то случилось? Может, она заблудилась, а когда все же позвала помощь, было поздно, к тому моменту я самостоятельно добрался до дома? Но тогда Тома бы пришла ко мне... Может, она никого не застала? Пришла, но родители уже везли меня в больницу. Да, наверное, так все и было. Я не заметил, в какой момент уснул.

На следующий день поднялась температура. Мне кололи антибиотики и обезболивающие, меняли повязки с компрессом на голове. Шум не стихал.

В этот день мама пришла не одна, а с сотрудником полиции. Он задавал мне больше вопросов, чем мама, просил подробностей. Но я рассказал ему даже меньше, на многие вопросы отвечал одно и то же: «Я не помню». Под конец мама и полицейский переглянулись. Мама посмотрела на него с надеждой, но тот мотнул головой, а затем попрощался и ушел.

Когда мы с мамой остались одни, я первым делом спросил ее о Томе. Поначалу я обрадовался ответу, что Тома заходила и интересовалась, как я и что со мной. Но дальше я услышал совсем не то, чего ждал.

Тома наврала маме, что вчера меня не видела. А в ответ на предложение навестить меня отговорила срочными делами. Зачем она соврала? И почему отказалась ехать в больницу? Это было похоже на... что? От меня будто ускользало что-то важное, но наконец я понял: Тома меня избегала. Но почему? Может... В компании Круча были и другие, которых мы с Томой не видели, и, когда Тома убежала за помощью, ее поймали? Сделали с ней что-то? Я вздрогнул. Нет, я не буду об этом думать. Только не с Томой. Если так, все мои жертвы были зря: я позволил издеваться над собой только ради того, чтобы Тома спаслась. Эта мысль все еще вызывала гордость. И прогоняла страх.

Несколько дней я провел в постельном режиме, восстанавливаясь. А затем, когда я уже достаточно окреп, врач разрешил друзьям меня навестить.

В палату набились все койоты: и Костян, и Леший, и Толик, и Виталик, и все-все. А главное — пришел Егор. Я так растрогался, что даже глаза намокли. Друзья принесли шоколадки и абрикосы. Все закричали наперебой. От крика в голове вспыхнула боль. Я, поморщившись, шикнул на них, и ребята заговорили тише. Я пытался выцепить из общего гомона отдельные слова, и понял: никто точно не знал, что со мной произошло. Кто-то считал, что мне зарядили в ухо пулькой от игрушечной винтовки; кто-то — что в лесу я потерял сознание и, упав, ударился головой о пень. Была и самая интересная версия: что на меня напал лесничий-маньяк.

Я сказал, что сейчас все объясню. Тут же на меня с тревогой уставились восемь пар глаз. Я успокоил ребят и сказал, что ничего такого не было, и вообще, со мной теперь все в порядке. Услышав хоровой вздох облегчения, я улыбнулся.

Денис сходил помыть фрукты, Егор выложил их в миску, туда же по моей просьбе добавил мандарины, кешью и фундук, что принесли родители, раскрыл шоколадки и разложил на тумбочке.

— Хавайте! — сказал я.

Друзья с аппетитом захрумкали.

— Так что за херня с тобой случилась? — Виталик закинул в рот горсть кешью. — Твоя мама сказала, что на тебя напал кто-то. Но кто? Где? Как?

Я вздохнул. Расстраивать и пугать друзей не хотелось. Но, поколебавшись, я рассказал им все, утаил только то, что со мной была Тома, — как будто пытался отсрочить страшную правду хотя бы для себя самого. С каждой секундой лица друзей мрачнели. Жующие челюсти

двигались все медленней, кто-то отложил шоколад, так и не притронувшись к нему. А потом верные койоты взорвались яростью.

– Мы найдем их! И повесим! Всех! — выкрикнул Денис.

Остальные поддержали его.

– Да, эти мудилы за все заплатят! Это будет кровная месть! — пискнул Леший, самый маленький из отряда, ему было всего одиннадцать. Здоровяк Виталик тут же отвесил ему подзатыльник.

– Кровная месть — это не то, придурок! Это когда члены семьи мстят за убитого. А мы не семья, да и Стасян у нас не подход.

– Ну, у нас будет своя кровная месть, — нашелся Леший.

– Вендетта называется, — встрял Костя.

Леший продолжил:

– И мстить мы будем за... э-э-э... тяжкие телесные повреждения.

– А по-русски можно? Лингвист херов, — проворчал Денис.

– А у меня папа — адвокат! — заважничал Леший.

– Месть — херовое дело, парни, — вмешался Егор и покачал головой. — Что она решит-то? Что исправит? Время назад отмотает? Нет.

– Ты в голову пукнутый, что ли? Все спустить хочешь? Да мы этих торчил порвем! Они у нас адидасы откинут! — Виталик сжал кулаки-булыжники.

– Ты сам адидасы откинешь, если на баракских пойдешь, — спокойно продолжил Егор. — Там одни отморозки и их дохера. А что, если они весь район соберут? Кто за нас пойдет? Никто.

Койоты растерянно переглянулись. Егор был прав. Все взгляды устремились на меня: за мной оставалось последнее слово. А я молчал. Не хотел все так оставлять, но мстить даже не думал. Пока это желание спало во мне крепким сном, похожее на акул, дремавших в подводных пещерах на глубоком дне.

– М-м-м... Егор дело говорит. Рановато замес мутить, мало нас. Надо ждать, пока не расширится, — сказал я и воспрянул духом, увидев одобрительные кивки. Только Егор не кивнул. Он смотрел на меня мрачно, пытаясь прочесть по глазам мои настоящие мысли.

Тему, к счастью, замяли. Все немного расслабились и снова увлеклись угощениями. Денис располовинил абрикос, в каждую половинку воткнул по ореху, вставил в глаза.

– Я похож на Пэ Гэ? — спросил он, и все захохотали. Он и правда был похож на учителя математики, которому мы дали кличку Пучеглазый Глаголик. С Пучеглазым все было понятно, а вот Глаголиком его прозвали за то, что он всегда держал в сумке пакет с одноименным печеньем и на перемене его поедал.

– Парни, а кто-нибудь из вас... видел Тому? — тихо спросил я.

– Я ее видел в тот же вечер, — спокойно сказал Виталик. Он чудно счищал с мандарина кожуру, как будто собирался сложить из нее какую-то фигуру. — Спросил у нее, где ты. Она сказала, что не в курсах. Ушла домой рано, потому что звезданулась, и у нее пакетик с краской лопнул.

– Что? — переспросил я, и Виталик повторил.

Я нахмурился. Сопоставил то, что узнал от мамы, с тем, что сейчас сказал Виталик. Я даже встал с кровати и заходил по комнате из угла в угол.

– Вау! Это что, член? — спросил Леший.

– Где? Где член? — заинтересовались все.

– Сам ты член! — возмутился Виталик. — Это слоник!

– Ну... Каждому — свое, по степени испорченности.

Все сгрудились над счищенной Виталиком кожурой мандарина.

– А как ты так счистил? Научи меня!

– И меня!

Пока Виталик проводил всем мастер-класс, как сделать член из кожуры мандарина, я ходил по комнате и размышлял о Томе. К счастью, все были увлечены самообразованием, и никто не обратил внимания на мое поведение.

На тумбочке и кровати лежал уже с десяток мандариновых пенисов всевозможных калибров, а я все думал. Я игнорировал правду, сколько мог. Но в конце концов мне пришлось признать: Тома всех обманула. Она просто струсила и вовсе не собиралась звать на помощь. Она убежала домой и заперлась там. Бросила командира. Оставила в беде лучшего друга. Разве друзья так поступают? Нет.

Как же так? Разве я не все делал для нее?

Год назад, когда отряд пробрался на складскую зону, а затем дружно убежал от сторожевой собаки, Тома споткнулась и упала, а я закрыл ее собой. Собака покусала меня, но мне удалось отогнать ее камнем, и мы с Томой убежали.

А однажды Тома увидела, как девочки играют в незнакомую игру с резиночкой, захотела присоединиться и узнать правила, но девочки посмеялись над ней и отказали. Тома грустила несколько дней, и тогда я пришел к девчонкам один без Томы, чтобы выведать правила игры. Но вредины упрямылись, пока я не отхлестал их по ногам крапивой. Я делал это, чтобы порадовать Тому. В каком восторге она была, когда я пришел к ней с резиночкой и обучил новой игре.

Я устроил в отряде революцию ради Томы. И потратил на нее все свои желания в звездопад. Я защищал ее, берег, причинял боль всем, кто делал больно ей. И не было для меня ничего важнее ее улыбки, ее радости и безопасности. И чем же она отплатила мне? Предательством? Даже враги так не поступают. Тома — хуже, чем враг.

И тогда внутри у меня что-то шевельнулось. Это что-то было очень сильным. Оно медленно пробуждалось, недовольно рычало. Ярость, ненависть, желание мстить — целый клубок где-то над желудком. Акулы на дне просыпались одна за другой и широко открывали пасти, обнажая ряды острых зубов. *Им нужна была еда.*

Я встал в центре палаты и посмотрел на сгрудившихся вокруг тумбочки друзей, которые живо обсуждали результаты мастер-класса.

– Парни, я вам соврал! — крикнул я.

Леший вздрогнул, от неожиданности взмахнул рукой и подкинул мандариновый член. Тот, сделав в воздухе сальто, приземлился на голову Комара, и, примяв торчащие вихры, лег на макушке аккуратной шапочкой.

– Во всем виновата Мицкевич, — прошипел я, пробуя новый вкус этой фамилии — отвратительно горький.

– Тома? — тут же раздался голоса друзей.

– Наша Тома?

– Да, — процедил я сквозь зубы и повернулся к ним. — Она наврала вам. Почти все время мы были вместе. И нас с ней поймали вместе. Потом торчки отпустили ее, а меня нет. Я ждал, что она придет с помощью, позовет вас или взрослых... Но она оповидлилась и просто свалила домой.

Все потрясенно молчали. Наконец Виталик прошептал:

– Она все назвездела... Игра быстро кончилась, и мы все к лагерю почесали. Там еще провели какое-то время... — он запнулся. — Она не могла не заметить нас, если пробежала мимо. Она могла бы нас позвать... Но не позвала, дрянь.

– Вот видишь! — злобно улыбнулся я. — Трусливая мразь. Все из-за нее. Как только свалю отсюда — прикончу ее.

– Стас, погоди... — перебил Егор. — Мы еще не знаем всего. Может, с ней что-то случилось, может, она пыталась позвать на помощь, но что-то пошло не так.

– И поэтому нагнала? — усомнился Виталик. — Нет. Стас прав. Она — предатель. Гнать ее в шею из отряда.

– Но Стас... — продолжил Егор.

– Ты за нее? — прошипел я.

Друг все же стушевался.

– Нет, конечно, за тебя.

– Тогда заткнись, — жестко сказал я, завел руки за спину и медленно зашагал по комнате, продолжая говорить: — Если бы не она, я бы тут сейчас не торчал, избитый, обоссанный и глухой на одно ухо. Мицкевич подставила меня. Такое не прощают. И это в ее башку нам надо хорошо вдолбить.

– Так ей! Наваляем гадине! — яростно бросил Виталик.

– Темную ей! — пискнул Леший.

– Изгоним из отряда! Прессанем ее! — крикнул Комар.

– Стас, я надеюсь, ты это не серьезно? — тревожно спросил Егор.

– Кто не с нами, тот против нас, — процедил я. Егор замолчал. — И пока я в больнице... в компании Мицкевич делайте вид, будто ничего не произошло, чтобы не спугнуть ее. А потом, когда я выйду...

Я не стал продолжать. Но уже пообещал себе: эта тварь получит сполна.

4

Отряд ждал предателя у Бункера. Я только вернулся из больницы, все еще с ненавистной повязкой на голове. Травмированное ухо не слышало, но я надеялся, что это из-за бинтов. Может, сняв их, я буду слышать хоть что-то?

Время у Бункера тянулось медленно. Было ясно и холодно. Все стояли в кругу, лениво пиная мяч. Болтали о фильмах. Я молчал. Под ложечкой сосало — ведь предстояло совершить то, о чем прежде я не мог и подумать. С одной стороны, все справедливо. Но с другой... Тома столько лет была мне другом. И невозможно в один момент просто убить в себе всю привязанность, оставив лишь ненависть.

Я каждые десять секунд поднимал голову и смотрел в конец улицы: не идет ли знакомая фигура? И вот она появилась... Первым ее заметил Леший, а я отвлекся — упустил мяч. Пришлось бежать и доставать его из колючего кустарника.

— Вон *эта* чешет! — крикнул Леший. Все всполошились.

Никто не знал, что делать, койоты ждали меня. Я вернулся и отложил мяч в сторону. Встал вперед, в центр; остальные — в линию за моей спиной. Все смотрели на Тому. А она уже бежала ко мне, все ближе звенел ее родной голос, полный облегчения:

— Ста-ас-с, Ста-ас-с!

Особое звучание имени кольнуло сердце. Я сжал кулаки, поднес один ко рту и прикусил костяшки, чтобы приглушить рвущийся наружу вой. Тома... Прошлое ведь не забыть так просто. Ноги рвались тебе навстречу: хотелось обнять тебя, зарыться в волосы, пахнущие ванилью. Кружить тебя в воздухе, слышать смех и все забыть, как страшный сон... И я действительно дернулся тебе навстречу. Но тут же акулы внутри клацнули зубами. Я вздрогнул. Вернулся на место. Тебя нет. Нет больше моей Тома. Вместо нее — просто Мицкевич. Предатель. Трусливая, жалкая тварь. Я выпрямился и напряг все мышцы. Я должен был взять над собой полный контроль.

Я долго репетировал речь, но сейчас понял, что слова вообще не нужны. Я просто смотрел на тебя и молчал. Подбежав, ты сразу поняла, что что-то не так, и остановилась. Улыбка стерлась с лица.

— Стас?

Молчание.

— Стас, я... — Но я не дал тебе продолжить:

— Я ждал, а ты не пришла. Думал, ты позовешь на помощь.

Я смотрел на тебя, а внутри кипели боль и презрение. Горло сжало.

— Прости... — Ты потупила взгляд. И если до этого внутри меня еще теплилась крохотная надежда, что ты скажешь хоть что-то, что действительно тебя оправдает, то теперь я понял: нет. — Но они правда сильно напугали меня...

Я подошел к тебе ближе. В нос ударили запахи ванили и корицы — наверняка твоя бабушка что-то пекла с самого утра. Я сглотнул — и зашептал тебе в ухо обо всех тех мерзостях, что баракские ублюдки проделали со мной. Я дрожал, дрожала и ты. И... Я наслаждался твоим страхом. Я не знал, что чужой страх может быть таким приятным. Я не знал, как здорово становится причиной этого страха.

— Прости. Прости... — вновь выдохнула ты, но я прервал:

— Слишком поздно. Это ты во всем виновата. Я хочу, чтобы ты умерла.

Я с удивлением прислушался к себе: неужели я и правда этого хотел? Ты сжалась. Ты глядела с таким отчаянием, словно вот-вот закричишь, упадешь на землю и забьешься в плаче. Я сказал тебе тихо, чтобы остальные не слышали: «Я верил тебе, стоял за тебя во всем, я бы никогда не оставил тебя так. А ты... ты меня предала».

Затем я оттолкнул тебя со всей яростью, что пробудилась во мне. Ты упала на землю. Теперь ты смотрела на меня с удивлением и обидой, как будто не веря, что я мог так поступить. Но ты еще не знала, на что я способен.

– Вставай! Встань перед своим командиром, солдат! — приказал я. Но ты не шевелилась, лежала, сжавшись и уставившись в землю. Лицо скрывали волосы. Я сам рывком поднял тебя на ноги. Ты не сопротивлялась — и опять напоминала куклу.

– Солдат, ты обвиняешься в измене. Ты предала свой отряд и навсегда изгоняешься из «Степных койотов». — Резким движением я сдернул у тебя с груди значок членства в отряде, золотую звезду с красным камешком в центре. — Вали отсюда. Беги. Ты это умеешь. Хоть раз попадешься — и мы убьем тебя. А если ты кому-нибудь скажешь... — я сознательно повторил слова Круча, зная, каким метким будет этот удар: — Я поймаю тебя. Разрежу тебе живот. И выгашу твои кишки.

И я свистнул, подавая сигнал. Все койоты одновременно подняли с земли подготовленные камни. Свой я тоже поднял. Ты по-прежнему не сопротивлялась, не спорила, не пыталась отступить — просто смотрела то на меня, то на камень в руке с тупой покорностью. И это взбесило меня окончательно.

– Убирайся, предательница! — закричал я.

– Растворись! Исчезни! Петляй вальсом! — поддержали остальные.

Ты так глянула на меня, будто прощалась навсегда. Потом грустно оглядела всю компанию и побежала. Я бросил камень тебе в спину — попал. Следом полетели остальные. Кидали все, даже Егор, хотя я знал, что он жалеет тебя.

Все это было и ужасно приятно, и тяжело. Я будто хоронил под толщей булыжников жуткие события последних дней, не давал им заполнить голову. Но одновременно я хоронил свое счастливое детство.

Прогнав предательницу, ребята ликовали — все, кроме Егора. Он выглядел подавленным, думал о чем-то. Так или иначе, все решили, что это конец. Виновного нашли, теперь можно жить дальше. Все, кроме меня, пошли к Денису на чердак играть в карты. Но я решил, что должен сделать одно дело, самое неприятное на сегодня.

Ты была еще недостаточно наказана.

5

Я шел медленно, все еще колеблясь. Нужно ли это делать? Разве я — такое же чудовище, как Круч? Еще не поздно повернуть назад.

Я остановился на перекрестке и повернул голову вправо. Пройдя этой дорогой, я выйду к дому Дениса, присоединюсь к своим койотам, и все будет по-старому. Затем я посмотрел вперед. По этой улице я выйду прямо к дому *предательницы*. Я не сомневался: там ее сейчас нет. Наверняка слоняется где-то, ревет. И если я сделаю задуманное... то стану другим. Готов ли я? Не боюсь?

Нет. К этому поступку меня подтолкнула сама Мицкевич. А значит, ответственность и вина — на ней. От этих мыслей мне стало легче, и я уверенно зашагал вперед.

Я не стал пользоваться калиткой, опасаясь, что меня заметят, и пробрался во двор через огород соседей. Осторожно подкрался к терраске, залез на растущее рядом дерево, с него перебрался на второй этаж на крышу. Открыл окно — Тома никогда не закрывала его на задвижку — и оказался в ее комнате. Взгляд сразу упал на наши с Томой детские рисунки, развешанные на стене, — она берегла их, как сокровище. Находиться в этой комнате было приятно. Я бы остался здесь навсегда, если бы мог.

В комнате пахло деревом и выпечкой — как и во всем доме. Но кое-что принадлежало только этому месту. Я повел носом и вдохнул полной грудью. Пряный запах книг, медовый — акварельных красок, фруктово-ягодный — ароматических свечей, расставленных у Тома по всей комнате. Легкий запах цирка шел от клетки с Умкой. Я глянул на нее, а Умка подняла уши и принялась изучать меня глазками-пуговками. Ждала угощения.

Я подошел, открыл клетку и достал крольчиху. Сев на кровать, положил ее на колени. Умка обнюхала мои руки. На тумбочке лежала тарелка с нарезанным яблоком, я взял дольку и протянул зверьку. Умка дернула носом, смешно зафыркала, приняла угощение.

Я порылся в ящике тумбочки среди блокнотов, ручек, монет, батареек, брелков и прочей мелочевки. Да где же она? Нашел! Наша с Томой резиночка. Я повертел ее в руках, снова задумался, отложил в сторону. Неужели я это сделаю?

Я убедил себя: это не я, это Тома, она сделает это, просто моими руками.

Пока Умка ела, я гладил ее. Она была теплой, под мягкой шерсткой гулко билось крохотное любящее сердечко. Затем крольчиха стала лизать мне пальцы шершавым теплым язычком. И тогда я снова взял резиночку. Я чувствовал, что вот-вот перешагну черту. Я еще мог просто вернуть Умку в клетку и уйти. Никто не узнает, что я здесь был. Но если я сделаю то, что собирался, то пути назад не будет.

Не раздумывая больше ни секунды, я обмотал резинку вокруг шеи зверька, отвернулся и потянул за концы в разные стороны. Умка забилась в моих руках.

Я смотрел на стену, обклеенную рисунками. От слез они слились в сплошное пятно. Тело крольчихи свело дикими судорогами. Караван розовых слонов, карта приключений, необитаемый остров, выдуманные животные, герои мультфильмов... Я переводил взгляд с рисунка на рисунок, тянул за концы резинки все сильнее, ослабив хватку лишь когда Умка обмякла. Сквозь слезы я глянул на нее, погладил. Тельце было мягким. Настоящая плюшевая игрушка. Я положил Умку головой на подушку, укрыв одеялом. Достал из тумбочки блокнот и ручку, вырвал лист и написал:

**КРОЛИК НЕ МОЖЕТ УСНУТЬ. СПОЙ ЕМУ КОЛЫБЕЛЬНУЮ.
СПОЙ, СПОЙ! СПОЙ КОЛЫБЕЛЬНУЮ ДЛЯ КРОЛИКА!**

Затем положил лист на подушку.

Я понимал: это – моя точка невозврата. Тома получит то, что заслуживает. Я накажу ее за предательство.

Я не помнил, как оказался в лесу. Как вообще вышел из комнаты, как бежал, спотыкаясь и ничего не видя перед собой. Посреди леса я упал на колени. Наклонившись к земле, схватился за голову и стал раскачиваться вверх-вниз, будто молился. Я никак не мог унять дрожь в теле. Раскалывалась голова. Ныло тело, болела каждая косточка.

Землю покрывала редкая пелена снега. Я сгреб его, стал яростно чистить руки. Они миглом заоченели и покраснели, но я продолжал оттирать с них невидимую кровь. Я рыдал и выл, все лицо было мокрым. Наверное, я представлял собой жалкое зрелище: под носом пузырились сопли, нити слюней тянулись изо рта до самой земли.

В это момент я был слабым. И знал, что позволяю себе такое в последний раз. Чтобы жить дальше, я должен убить в себе все чувства, которые делают меня уязвимым: жалость, сочувствие, привязанность, желание быть нужным, потребность в заботе.

Моя жизнь — карусель. В детстве я в любой момент мог остановить ее и сойти. Но сегодня в этой карусели сломался тормозной механизм. И она будет вращаться вечно.

Спецшкола. Месяц 8

Стас проснулся за час до рассвета. В это время обычно самый крепкий сон, но Стасу даже будильник не понадобился. Он просто открыл глаза, и сон как рукой сняло.

Он осторожно выскользнул в коридор. Обувь не надел, чтобы не было слышно шагов. Пройдя вперед, он остановился у двенадцатой комнаты. Собравшись с духом, медленно приоткрыл дверь и вошел внутрь.

В комнате царил полумрак, сюда проникал свет уличного фонаря. Со всех сторон раздавалось тяжелое, шумное дыхание и храп. Кто-то заворочался, заскрипела койка. Стас прошел через всю комнату к окну. На нижней койке спал Резак — на спине, головой к стене, рука свешивалась к полу. Иконка была на нем — сбилась вбок, на одеяло, ближе к Стасу. Как будто дразнила: забери меня!

Сердце заколотилось. Стас ведь приходил сюда и раньше. И каждый раз Резак либо спал на животе, либо иконка была спрятана под одеждой, так просто не достанешь.

Сейчас ему наконец-то улыбнулась удача.

Стас припас ножницы. В школе было запрещено иметь колюще-режущие предметы, внеплановые досмотры устраивались постоянно. Но воспитанники все равно ухитрялись хранить и ножницы, и даже ножи. Тайники делали все, и Стас в том числе.

Он понимал, что снять иконку со шнурком не удастся, придется резать. Иконка манила. Нет ничего проще, чем протянуть руку и одним движением перерезать шнурок.

Стас взял ножницы в правую руку, левой осторожно приподнял иконку. Взмокшие руки дрожали. Еще секунда — и он сделает это... Но тут опять скрипнула чья-то койка, и Стас резко отпрянул. Резак заворочался, повернулся на бок к Стасу спиной. Черт! Стас ругал себя за медлительность: победа была так близко! Ему впервые за несколько месяцев удалось поймать момент. Нужно было сразу резать. Ну и что теперь?

Резак носил иконку постоянно — не только чтобы лишний раз позлить Стаса и напомнить о своем превосходстве, но и для надежности. Если бы он просто отобрал ее и где-нибудь спрятал, был бы риск, что Стас ее найдет. А так забрать ее было практически невозможно.

Стас перегнулся через Резака. Нет, так не достать. Тогда он пролез в нишу между окном и койкой и оказался у изголовья. Так гораздо удобнее, правда, тесновато.

Он снова увидел иконку. Она лежала на подушке перед самым лицом Резака. Стас глубоко вдохнул и выдохнул. Руки задрожали сильнее. Он потянулся ножницами к иконке, зацепил лезвием шнурок — режь, хватай и беги!

Но тут Резак открыл глаза. Он среагировал молниеносно: схватив Стаса за руку, изо всех сил дернул на себя, так, что тот повалился на койку и выронил ножницы. Резак вскочил, а затем, стащив незваного гостя с койки на пол, навалился сверху.

– Не спишь, Барби? — прошипел он и ударил Стаса по лицу. А затем — еще и еще.

Вспыхнул свет, раздался протяжный свист — в комнату со свистком в зубах ворвался воспитатель, а за ним — двое режимников.

Стаса с Резаком растащили, а потом обоих отправили в карцер на неделю.

В карцере было несколько одиночных комнат. Вся мебель — койка и туалет. Атмосфера удручающая. Никаких прогулок, учебы, работы, книг — ничего. Всю неделю сидишь в четырех серых стенах, любишь небо в крошечном окошке под потолком. День удался, еслиловишь взглядом пролетающую птицу или самолет.

День на третий в окно влетел фантик от конфеты «Маска». Стас обрадовался, все нюхал его, рассматривал. Фантазировал: чья это конфета? Где ее взяли? Стас вообразил, что конфету ела девчонка лет десяти: взяла из дома горсть «Масок» и отправилась с папой на лыжах. Сделав

привал недалеко от спецшколы, девочка развернула конфету, а фантик выкинула, так его к Стасу и принесло.

Еще Стас то и дело думал о том, что через пару стен сидит Резак, а у него — иконка. Хотя она и не на Стасе, но все же рядом. Он обязательно вернет ее. Раз за разом Стас трогал шею и морщился, ощущая вместо прикосновения шершавого шнура пустоту.

Интересно, а что сейчас делает Тома? Однажды Стас представил, как она веселится с мушкетерами. Может, теперь они даже устраивают тусовки, на которых отмечают Стасово заточение. «Ура, этот чертов койот Стас Шутов наконец-то сгниет в тюрьме, давайте выпьем за это!» Уроды. Вот бы заявиться к ним на вечеринку и испортить ее. Сказать: «Эй, вы, мышинное дерьмо! Я здесь! Не ждали?» Стас представил их лица. Тома застынет, задрожит. Шляпа попытается свалить. Ишак уронит бутылку, а Пятачок небось и в обморок грохнется. Стас злобно ухмыльнулся — и тут же вздрогнул от мысли: «Это не ты, Стас». Стало стыдно. А ведь это действительно не его мысли. Это мысли Стаса из прошлого, злобного ублюдка, которым он был. Но теперь он изменился. Или хотя бы пытается. Вот только... получается ли? С чего вдруг тогда он подумал о том, как было бы здорово испортить вечеринку мушкетерам? Раньше он питался их страхом. Это был его любимый десерт. Но Стас давно пересмотрел свой рацион. Неужели он об этом забыл? Или просто все дело было в иконке? Этот упырь забрал ее, а без иконки Стасу было куда сложнее держать себя в руках.

«Это просто отговорки, Стас, — возразил едкий внутренний голос. — Иконка ничем тебе не помогала. Это иллюзия».

Неправда. Она — его блок. Она останавливала Стаса, когда он думал, что еще минута — и он совершит непоправимое.

«Эта иконка была на тебе, пока ты уничтожал Тому. Она не помогла тебе».

Нет... То есть да, но после этого она всегда выручала его.

«Ты сам себе противоречишь. Иконка — лишь кусок пластмассы. Она не управляет тобой. Ты сам контролируешь свою жизнь, и ответственность за твои действия только на тебе».

Вот в таких внутренних диалогах и проходила неделя Стаса в карцере. А еще он продолжал придумывать, как вернуть иконку. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как она у Резака. Стас не раз пытался ее отобрать: и тайком, как в ночь перед попаданием в карцер, и напрямую — дожидался, пока Резак останется один, караулил его и нападал. Но в драке Резак, более крупный и сильный, всегда побеждал. Вдобавок, он будто читал мысли Стаса: каждый раз знал, что тот задумал.

От этого его ненависть росла. Думая о Резаке, Стас трясся от злости, рычал, сжимал кулаки. Хотелось все крушить. Это ведь была не просто иконка. Она — часть общего прошлого Стаса и Тома. А значит, Резак украл у Стаса его Тому. Вот почему он сходил с ума и всеми силами хотел заполучить иконку обратно, словно потерял частичку себя.

Может, подговорить парней и устроить Резаку темную? На сторону Стаса встанет Коля и еще парочка-другая доходяг. Что они могут? Второй вариант — честная драка. Но это он уже проходил. Если только как следует заняться физической подготовкой, но на это уйдут месяцы, и то шансы на победу будут ничтожно малы. Единственный выход — хитрость. Нужно сделать что-то, чего Резак никак не ожидает. Он ведь знает лишь того Стаса Шутова, что родился совсем недавно, этим летом, когда попал сюда. Но он совершенно не знает пса, большого бешенством, — того, кем Стас когда-то был... Тот Шутов был сама непредсказуемость. Хитрый, жестокий, способный запугать и задавить кого угодно. Если бы снова стать им и при этом не нарушить данное Егору обещание...

На шестой день повалил снег. На душе стало повеселее. Голову задерешь — а там все сыпется и сыпется белая крупа, то медленно, то быстро, то густо валит, то падают лишь редкие снежинки.

По возвращении Стаса из карцера в первый же день в трудочасы всех из его отряда отправили на уборку снега. Распределяли по трое-четверо на одну зону. Стаса, Колю, Мирона и Вася определили в одну группу на самую паршивую зону. Снег отсюда предстояло везти на тачке через всю территорию к общей куче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.